

Анюта Васильева

Соло для троих

<https://litres.ru/74238457>

Аннотация

Я - гордость и надежда своих родителей. Они мечтают, чтобы я блистала на мировых площадках Но меня угораздило влюбиться! Да, пусть он не идеален, у каждого есть свои недостатки. И да, я готова с ними мириться! Вот только, как смириться с тем, что он совсем не против поделить меня со своим братом?

МЖМ

В книге: _ Наглые, и беспардонные эгоистичные герои.
_ Принуждение, и откровенные сцены секса. Не унывающая, сильная героиня. ХЭ

Содержание

1 Глава.	4
2 Глава	22
3 Глава.	47
4 Глава.	60
5 Глава	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

1 Глава.

— Русалка, ты лучшая! — с восторженными криками на меня набрасывается Люська, как только я переступаю порог импровизированной гримёрки. В её объятиях я на секунду замираю — так сильно она меня стискивает, будто боится, что я вдруг передумаю и сбегу.

И да-да, именно Люська, потому как Людмила она исключительно по паспорту. Люся — просто нескончаемый поток энергии. Она невероятно подвижная и весёлая, а ещё, кажется, никогда не устаёт.

— Не могу поверить, что ты меня уговорила, — бурчу себе под нос, сбрасывая с ног кроссовки, — и зачем мне всё это нужно? Вот чует моя попа, найдём мы сегодня себе приключений на пятые точки.

— Руса, ну не ворчи. Всё будет хорошо, — счастливо прыгает вокруг меня подруга, — ну эти заразы из 128-й школы в прошлый раз нас всего на три балла обошли, а носы задрали так, словно кубок страны взяли.

— Ты мне показывала выступление в записи, и, объективно, их программа в прошлом сезоне была действительно сильнее.

— Ой, да куда там! — Люся куксится, отмахиваясь рукой. Подруга терпеть не может проигрывать, и у неё всегда две реакции: либо она очень злится, либо она очень и очень

расстраивается. Поэтому конкретно в нашей компании мы всегда давали возможность нашей занозе почувствовать себя победителем. В какую бы игру мы ни играли, каждый знал, что наше позитивное настроение напрямую зависит от Рагозиной. — Они выиграли нечестно, — возмущённо протягивает подруга, — парни, что, кстати, и вытянули их на первое место, были не из их школы.

— Я, как бы, тоже ещё пока не из вашей школы! — я становлюсь за ширму и начинаю снимать с себя одежду. Пальцы слегка дрожат: то ли от холода, то ли от волнения. Стараюсь дышать глубже, чтобы унять эту мелкую дрожь.

— Да брось, Русалка, документы уже сданы. А вступительный экзамен ты сто процентов сдашь!

Русалкой называет меня только Люся, и не только из-за имени. В детстве у меня были густые и очень длинные волосы, а ещё у меня большие зелёные глаза и довольно длинные ресницы — в общем, я и вправду в детстве внешне походила на русалку. Но так как ухаживать за волосами было очень сложно, да и пучок всё время распускался на репетициях, это очень сильно мешало танцевать. Поэтому волосы мне остригли каскадам почти до лопаток.

— Не знаю я! — произношу на выдохе, — там Грачёв будет. Говорят, ему не угодишь.

— Насчёт Грачёва я бы на твоём месте не переживала.

— Это ещё почему? — путаюсь в трико, едва не заваливаюсь на пол. Сердце на секунду замирает, а потом начинает

колотиться где-то в горле — ещё не хватала грохнуться моськой вниз. С моим везением по другому завалится вряд-ли получилось бы.

— Он валит исключительно брюнеток. Ну а потом даёт им что-то вроде второго шанса, но уже на своих условиях! — многозначительно поигрывая бровями, выписывая пируэт с поклоном, подаёт мне юбку-шопенку, — ты не в его вкусе, не переживай, думаю, он будет оценивать исключительно твой талант! — в ответ я закатываю глаза.

Все вокруг твердят, что у меня прирождённый талант, и у меня есть все шансы стать знаменитой балериной. Я танцую с четырёх лет. Мама отвела меня в кружок балета, что был в посёлке, в котором мы жили. Как только преподаватель того самого кружка сообщил моей маме, что у меня тот самый прирождённый талант, мои родители, во главе с моей бабушкой, продали всё своё имущество, и мы перебрались в один из городов нашей необъятной страны для того, чтобы я смогла стать *великой балериной*, по крайней мере бабуля моя в это свято верит.

В целом и мои родители очень сильно верят в меня, и мне не хочется их разочаровывать. Они столько для меня сделали... Папа, например, из-за переезда в другой город лишился хорошей перспективной должности! Маме также пришлось заново набирать клиентов, она у меня прекрасный парикмахер.

Но больше всех мною гордится именно бабушка! Она-то

была у нас примой балета, очень знаменитой и востребованной. Меня, кстати, в честь неё называли — Русалиной.

— Блин, вы где все ходите? — вздрагиваю от громкого голоса подруги.

За считанные секунды вагончик наполняется молодыми людьми. Парни и девушки начинают суетиться — переодеваются, совершенно не стесняясь друг друга. Да, такое бывает, и нередко: в массовых выступлениях на открытых площадках всегда ставят такие вот импровизированные гримёрки. В данный момент у нас вагончик, вроде бы и немаленький, да только оттого, что народу почти тридцать человек, тут сейчас очень тесно. Хорошо, что я успела переодеться и могу, в принципе, вообще выйти на воздух.

— Эй, ты куда? — перехватывает меня Люся, — тебе нельзя светиться, ты наша изюминка, и тебя не должны увидеть до выступления.

— Ребята, внимание! — я чуть не глохну от крика этой неугомонной барышни, — все помнят свои расстановки!

— Тысячу раз репетировали, — подаёт голос какой-то парень из толпы.

— Отлично! Знакомьтесь, — это Лина, она гвоздь нашей сегодняшней программы, я вам про неё говорила.

— Говорила, да не показывала, — недовольный голос на этот раз девушки. — Мы не знаем ни кто она, ни что из себя представляет, и ни разу не видели её в танце.

— Это точно! — по вагону проходит рокот возмущения.

— Вдруг она вообще не умеет танцевать? Если мы не доберём нужных баллов, нас вообще снимут с соревнований!

— Суслова, отставить панику! Я вам сотню раз объясняла, что Лина из другого города и переводится к нам, только в студию балета, соответственно. Когда ей было мотаться на наши репетиции? Она занималась документами и готовилась к сдаче экзаменов. Короче. Линка не подведёт, зуб даю.

— Смотри, Люда, — к нам вальяжно приближается симпатичный русоволосый парень с проколотой бровью, — так ведь и без зубов можно остаться, — застегнув манжету на своей рубашке, он переводит взгляд в мою сторону и, подмигнув, выходит туда, куда Люська, зараза, меня не пустила!

Вот прям попой чувствую, Людка в очередной раз подбила меня на авантюру!

Дело в том, что помимо занятий в хореографической школе, есть, так сказать, не совсем легальные соревнования. В принципе, ничего криминального в этом нет. С виду действительно обычные соревнования между разными школами, участники — строго восемнадцать плюс, ведь здесь разрешено выходить за рамки. Жюри тут также есть, и оно вполне себе настоящее.

В чём смысл таких мероприятий? В первую очередь, конечно, это адреналин, выход энергии, возможность показать себя во всей красе.

Например, в каждом виде танца есть свои ограничения, и многого ты не можешь показать, а очень хочется, уж я-то

знаю! Так вот тут ты без стеснения можешь показать всё, на что способен. Единственное — нет сольных программ, исключительно групповые, и ты не имеешь права подвести свою команду.

Конечно, наши преподаватели знают о том, что происходит. И всегда очень нас просят не принимать участие в подобных мероприятиях, ведь зачастую можно травмироваться, и очень даже серьёзно. Поэтому стоит миллион раз всё обдумать. Я вот, например, против этого всего.

Необоснованный риск, и ради чего? Ну хорошо! Вторая причина — это жюри. В основном там хозяева ночных клубов или же просто какие-нибудь мелкие концертные директора. И зачастую они особенно перспективным участникам предлагают очень хорошую подработку. И это не обязательно стриптиз. Хотя и его довольно часто предлагают, да и соглашаются на него охотно тоже, ведь платят очень хорошо. Но в целом нередко предлагают и вполне сносные варианты. Люська, например, уже второй год на разогреве в одном из ночных клубов! Она обладательница шикарной фигуры, и она выступает на сцене перед тем, как выходят девочки как раз-таки для стрип-танца. Я бы на такое, конечно, не подписалась, но и её не осуждаю. В конце концов, меня обеспечивают родители, хотя мне уже тоже исполнилось восемнадцать, и пора уже и самой зарабатывать, но отец непреклонен. Говорит, что я должна быть сосредоточена на учёбе. У нас с ним есть большая тайна от мамы и бабушки. И из-за

неё я также не могу пойти работать. Так что сидеть на папиной шее мне ещё довольно долго.

А что касается Люды... Она росла без родителей. Её воспитывала бабушка, которая всё время «тыкала» мою подругу, что та должна быть ей благодарна за то, что не оказалась в детдоме.

Люда старше меня на два года, после смерти бабушки она продала огромный дом, что остался ей в наследство, и купила комнату в коммуналке, ведь цены на жильё в большом городе разительно отличаются от наших. Можно, конечно, было и не продавать, на электричке от нашего города до мегаполиса всего два часа пути. Но, с другой стороны, если учесть то, что Люда ещё и работает, мотаться ей туда-сюда было бы довольно сложно.

Когда Люда перебралась в большой город, она практически никого тут не знала, поэтому активно переманивала меня к себе, да я и не была, собственно, против. Просто мне нужно было окончить школу в нашем родном городе, ну и от родителей не очень хотелось отрываться.

Хореографическая школа, в которой Люда уже учится, считается одной из лучших. Только поэтому меня отпустили сюда. И к моему удивлению, даже разрешили жить у подруги. Люська хотя и говорит, мол, не нужно ей ничего, но мы с папой всё же решили, что я буду платить ей аренду. Так будет правильно.

«Всем участникам подойти к кураторам!» — звучит гром-

кий голос в рупоре.

В вагончике вновь все засуетились.

— Так, всё, скоро начинаем, — говорит Люда, — Руса, я в тебя верю, — обхватив ладонями моё лицо, подруга сжимает их таким образом, что мои пухлые губы вытягиваются уточкой. — Не волнуйся, просто танцуй и не обращай ни на кого внимания.

Резко отстранившись Рогозина едва ли не вприпрыжку выпорхнула из вагончика вслед за остальными. И кто ещё из нас больше волнуется?..

Я отхожу в сторону и, присев на невысокий стул, проверяю ленты на пуантах, всё хорошенько затягиваю, и, закрыв глаза, пытаюсь настроиться.

В вагончике воцаряется полная тишина, я сижу спокойно несколько минут и слушаю голос ведущего. Он объявляет, что участвует семь команд из разных школ.

— Ничего себе... — в тишине разговариваю сама с собой.

Объявляют порядок выступления. Первой выходит команда победителей прошлого сезона. Потом какой-то лицей, я не разобрала, потому как звук оставляет желать лучшего. В общем, мы выходим самыми последними, и это сто процентов к лучшему. Ведь чёрт меня дёрнул всё-таки выглянуть на улицу и увидеть масштабы происходящего.

— Твою ж мать! — довольно громко выражаюсь, — ну, Люська, это точно твоё последнее выступление, потому что я тебя живьём закопаю.

Вокруг импровизированной сцены несколько сотен человек! А Люська клялась мне, что это закрытое мероприятие. Хотя чего я ждала? Она прекрасно знала, что я не согласилась бы, зная заранее, что кроме членов жюри будут ещё и зрители. Толпа просто вопит. Так вот почему Люда просила приехать раньше и не выпускала меня на улицу.

Ладно!

Я ведь знаю, как важно это вот всё для подруги. Выдыхаю и вновь сажусь на стул, снова закрываю глаза. Внутри всё сжимается от волнения, но я заставляю себя думать не о зрителях, а о музыке, о каждом движении, о том, как я хочу, чтобы этот танец получился идеальным — хотя бы ради Люськи.

Я слышу, как объявляют оценки для шестой команды, а значит, уже через несколько минут наш выход.

Я успокоилась по поводу того, что мероприятие не такое уж и закрытое и мне придётся выступать перед зрителями. Сейчас меня больше волнует, не споткнусь ли я о кого-нибудь?!

Дело в том, что у ребят современная хореография и довольно подвижный танец. Я же должна вклиниться с классическим балетом в середине выступления. У нас не проходило ни одной совместной репетиции. Люда просто приехала ко мне на один день, показала танец в записи, и мы вместе уже придумали, как я смогу им помочь выиграть сегодняшнее соревнование. Конечно же, я могла хотя бы раз приехать

на репетицию, но в прошлом сезоне каким-то образом одна из команд соперников узнала, в каком стиле будут танцевать ребята, и сделала очень некрасивую пародию на их номер. В общем, было много споров, и по итогу у каждой из команд всё же отняли по пять баллов.

Выйдя из вагончика, несмотря на гул толпы, что находилась от меня примерно в метрах пятидесяти, я услышала голос мужчины. Он говорил по телефону достаточно громко, кажется, он был немного зол, ведь собеседник явно его отчитывал за что-то. Я остановилась буквально в считанных метрах от парня.

Зачем?

Сама не знаю...

— Подслушиваешь? — вздрагиваю от неожиданности. Парень, закончив разговор, поднял взгляд и посмотрел на меня, как на шкодливого котёнка.

— Н...нет! — немного заикаясь, начала оправдываться я, — просто мне... — пальцем указываю в сторону сцены, которая располагается прямо за его спиной.

— Ты участница? — заливаясь краской, молча киваю.

Мне становится немного стыдно, ведь я и вправду подслушивала, но не сам разговор, конечно.

Меня буквально заморозил голос этого парня, его тембр и звучание. Возможно, это из-за небольшого восточного акцента, что был замечен в его голосе. Хрипловатые нотки будоражили мои нервные окончания. Мне кажется, я на неко-

торое время и вовсе перестала дышать! Невольно заслушалась, да и залюбовалась самым молодым человеком.

Высокий и широкоплечий, с довольно развитой мускулатурой. Белоснежная футболка облегла рельефный торс, накачанные руки, обвитые выпуклыми венами. При этом всё он не казался мне безобразным качком. Просто очень красивый спортивный парень.

— Ты плясать-то пойдёшь, нет?

— А? — я снова зависла, вот чёрт, — да, конечно.

Уже не обращая на него внимания, я побежала в сторону сцены, к своей команде, но при этом отчётливо ощущала на своей спине взгляд парня. Почему-то нестерпимо хотелось обернуться, чтобы убедиться, права я в своих ощущениях или нет, и, если честно, в какой-то момент я была уже на грани этого.

— Ну где ты ходишь? — Люська уже начала заметно нервничать.

— Ты же сама хотела конспирацию до самого последнего момента. Или ты запереживала, что я сбежала, увидев, насколько тут «закрытое» мероприятие! — на последней фразе делаю акцент, пристально смотря на подругу.

Люська только натягивает на лицо хитрую ухмылку, потому что, по большому счёту, сказать ей нечего. Оправдываться смысла тоже нет.

— Да, нам нужно произвести должный эффект, — произносит подруга снова обыденным голосом, — а если кто-то

узнал бы...

— Всё, не продолжай, я в курсе.

— Вот и отлично! — Люся чмокает меня в щёку и поднимается на сцену. Только что объявили о выходе нашей команды, и ребята начали свои расстановки. Я также поднимаюсь на сцену, но пока что прячусь за плотным занавесом.

Громко басами заиграла музыкальная композиция Nikko Knight «Beggin», и ребята начинают свой ритмичный танец. Все движения отточены до совершенства. Я хотя и видела уже этот танец, но всего лишь в записи, да и они тогда ещё не отработали его как следует.

Вживую, однозначно, это всё смотрится в десятки раз круче. Музыка постепенно затихает и сменяется на более мелодичную, а это значит — мой выход. Медленные и размеренные шаги, небольшой пасс, разворот, выпад ногой и снова пасс.

Как только я вышла на сцену, весь шум вокруг меня стих. Я слышу только музыку и буквально живу ею. Единственное, достаточно отчётливо чувствую на себе чей-то пристальный взгляд.

Сцена мне не знакома. В отличие от ребят, у меня на ней не было ни одного прогона. Едва не даю осечку, когда чувствую, что наступила на что-то острое.

Кто занимается подготовкой к таким мероприятиям? Разве можно так халатно относиться к своей работе? На сцене ни в коем случае не должно быть посторонних предметов, и

уж тем более не должны торчать гвозди, а именно на гвоздь, скорее всего, я только что наступила! Хорошо, что я не ступаю на доски полной стопой, поранилась не очень сильно, и боль довольно быстро притупилась.

Разворот и небольшая пробежка. Музыка набирает обороты, и вот я из тихой реки превращаюсь в бушующий океан. Меня носит по сцене, я словно парю над ней. Кажется, что я даже не касаюсь пола, просто порхаю в воздухе.

Наклон и вновь выпад ногой. Кто-то стоял ближе, чем было нужно, за что получил, скорее всего, по носу. Во время танца мои глаза закрыты, так мне легче отдавать себя музыке. Поэтому кого конкретно задеваю носком ноги, я не вижу.

В завершении номера вновь играет музыка Nikko. И все обступают меня, словно успокаивают бушующий во мне океан. Я вновь возвращаюсь в реальность. Толпа визжит! Совершенно точно — наш номер получился невероятным, в подтверждение этого жюри, ещё до просьбы ведущего оценить номер, поднимает максимальные оценки.

— А-а-а-а-а... — снова глушит Люська своим криком и набрасывается на меня с объятиями, да ещё и не одна. — Русалка, я обожаю тебя, а-а-а-а-а... Ни разу за все пять сезонов никто не получал максимальный балл, ты представляешь?

— Пусты, дурында. Задушишь, — еле хриплю я. Люська от переизбытка чувств едва не придушила меня.

— Ой, прости!

— Мгы... — мне нужна минута отдышаться, но мне не

дают.

— У меня для тебя сюрприз. — с заигрывающей улыбкой подмигивает мне подруга.

И почему у меня дурное предчувствие? Внутри всё сжимается, будто кто-то ледяной рукой стиснул сердце, и я невольно делаю полшага назад, будто пытаюсь спрятаться за спинами ребят.

Периферическим зрением вижу какую-то возню внизу у сцены. Стоящие на сцене ребята отступают на несколько шагов в сторону.

Я не верю собственным глазам!

Злость лавиной обрушивается на мою голову, поражая нервную систему. Сжав ладони в кулаки, начинаю делать глубокие вдохи для того, чтобы успокоиться. Но воздух будто застревает в горле — я чувствую, как по спине ползёт липкий холод, а в висках начинает гулко стучать кровь. Не могу поверить, что Женя набрался наглости приехать сюда. В руках у моего — уже бывшего моего — парня — огромный букет алых роз, а в кармане, наверняка, лежит кольцо. Просто это уже довольно банально, и я уже не первая, кто получает предложение руки и сердца таким вот образом.

Парень смотрит на меня, и я уверенно, отрицательно машу головой, при этом смотрю на него гневным взглядом.

Но Женя, как обычно, делает всё по-своему. И очень даже зря! Хотя я и всё время ругаю девушек, которые публично отвечают отказом парням. Мол, могли бы не позорить парня.

А я, получается, сейчас поступаю также, причём ещё даже не дождавшись самого предложения. И для этого у меня не одна причина. Женя только берёт в руки микрофон, а его друг — хотя нет, какой друг, подручный! — подаёт заветную коробочку.

— Женя, нет! — говорю твёрдо и негромко, но парень меня слышит. Как и те, кто стоит близко к нам, но мне плевать!

— Что ты сказала? — слава Богу ума хватило опустить микрофон в этот момент. Глаза парня наливаются кровью.

И как я могла его любить?! В груди вдруг становится так пусто и холодно, будто из неё разом выкачали всё тепло, которое когда-то питало эту глупую, наивную влюблённость.

Первая моя причина отказа — я зла на Женю и больше его не люблю. А ещё неделю назад, наверное, была бы просто счастлива ответить ему согласием, но он всего за один день уничтожил всё во мне, всю любовь и нежность. Я действительно была влюблена в него, только вот он сам перешёл черту дозволенного, показав мне своё истинное лицо раньше, чем следовало. И конечно, как бы всё это грустно ни было, в конечном итоге я этому только рада.

Вторая причина — я отомстила ему вот таким способом.

Хотя это и ничто по сравнению с тем, что этот мерзавец мне сделал. И наконец, третья причина — моё «да» не сможет позже превратиться в «нет»! Он вцепится в меня мёртвой хваткой, я точно знаю. И это совсем не из-за большой и чистой любви. Это потому, что не Женя меня бросил, а я

его. Его никто не может просто так оскорбить или унижить. Будут стопроцентные последствия, ведь Женя не просто сын богатенького папочки, он в свои двадцать три уже имеет собственный бизнес, а соответственно, собственные свободные деньги, с помощью которых он и решает все свои проблемы.

Я делаю шаг назад, когда Евгений приближается ко мне словно разъярённая гиена.

«Стой, сука»! — читаю по его губам. Зорин делает резкий выпад и пытается схватить меня за руку, не знаю, как мне это удаётся, но я уворачиваюсь и Женя ловит руками воздух. Видно, удача сегодня всё-таки на моей стороне.

Спрыгиваю со сцены слишком резко. Меня немного клонит в сторону, да так, что едва не ломаю себе ноги.

Я полная дура! Что теперь Жене взбредёт в голову, я даже не представляю.

По выкрикам из толпы понимаю, что мой бывший парень идёт за мной. Ускоряю шаг.

Кто-то пытается меня перехватить. Я отдёргиваю руку и с быстрого шага перехожу на бег. В ушах шумит, перед глазами всё мелькает, и я едва различаю лица в толпе — всё, о чём я сейчас могу думать, — это бежать, бежать как можно дальше.

В вагончике мне не укрыться, но там мои вещи. В замешательстве чуть притормаживаю, верчу головой и снова ощущаю пристальный взгляд на себе.

Повернув голову в права я вновь вижу того самого парня,

что разговаривал по телефону, стоя у гримёрки. Не думая, что вообще вытворяю, я, в несколько шагов преодолев расстояние между нами, подбегаю к молодому человеку, что до сих пор не сводит с меня взгляда.

— Помоги мне, — просить помощи у совершенно незнакомого человека — это верх безрассудства, но попасть в руки Жени в данной ситуации гораздо опаснее. Голос просаживается практически до щёпота. Почему-то сейчас становится так страшно. Я будто бы сама загнала себя в угол.

— Не бесплатно! — короткий, но твёрдый ответ.

— Согласна! — парень, ухмыльнувшись, приподнял руку и нажал на кнопку брелока.

За его спиной, всего в нескольких метрах, раздался писк сигнализации, и я, не говоря больше ни слова, села в подержанную машину, явно не самого свежего года.

Да и плевать!

«Разбаловалась я, конечно», — усмехаюсь сама себе. У Зорина уже давно дорогие машины прямо из салона, которые меняются почти каждые полгода.

Женя не всегда был таким засранцем. Я знаю его с тех пор, как мы переехали в наш маленький, но очень уютный город. Нет, мы не были друзьями детства, всё же разница между нами пять лет, но когда мне исполнилось шестнадцать, он стал очень активно оказывать мне знаки внимания. Зорин довольно-таки симпатичный, и я не скрываю, что была рада вниманию с его стороны. Но сейчас всё иначе.

Ладони потеют, когда вижу, что Женя с двумя своими друзьями подходят к хозяину той самой машины, в которой я сейчас сижу и трясусь от страха. Зорин что-то говорит парню в своей борзой манере. Не знаю, что тот ответил моему экс-жениху, но Женя, бросив в сторону машины злой взгляд, разворачивается и уходит.

Незнакомый парень, у которого я так бездумно попросила помощи, сел в машину примерно через минуту. При этом у него в руках каким-то образом оказался рюкзак с моими вещами.

2 Глава

Парень, не произнося ни слова, заводит мотор, и мы выезжаем на просёлочную дорогу. Поворачиваем в сторону города. Двигатель взывает, будто протестуя против неспешного старта, и я невольно вцепляюсь пальцами в сиденье — привычка, оставшаяся с тех пор, как Женя водил так, будто участвует в гонке.

Проведение данного конкурса всегда проходит в разных местах, чаще, конечно, в черте города, но в этот раз решили провести около турбазы в двадцати пяти километрах от Питера. Для ребят был выделен специальный автобус, я же добралась сюда на маршрутном такси.

Парень время от времени посматривал в мою сторону, но пока что по-прежнему молчал.

— Спасибо за вещи, — несмело решаюсь первая нарушить тишину.

— Пожалуйста! — парень вновь посмотрел на меня, но в этот раз более внимательно. — Ты не местная?

— Нет, — ещё и головой зачем-то качнула.

— Оно и видно, — парень плавно повернул руль влево и съехал с дороги. Остановился у лесной полосы.

Я, широко раскрыв глаза, уставилась на красавчика, при этом очень напряглась и вжалась в сиденье. Сердце заколотилось где-то в горле, от вмиг возникшей паники.

— Да успокойся! Я потому и остановился, чтобы мы могли немного поговорить, и ты перестала так трястись. Ехать ещё долго, тем более на въезде в город сейчас огромная пробка, — парень говорил всё это с лёгкой ухмылкой.

Мне действительно страшно! Я наедине с совершенно незнакомым мне парнем, в его машине, еду неизвестно куда. Ещё я прекрасно понимаю, что к Люське я сейчас сунуться не могу. Зорин, даже если и не знает её адреса, узнает его довольно-таки быстро. Эта мысль мысль сейчас обжигала изнутри.

— Эй! — парень щёлкает перед моим лицом двумя пальцами, пытаюсь привлечь моё внимание.

— А? Что? — красавчик явно забавляется моим состоянием. Но даже в этом веселье не было ничего злого — скорее, он пытался растормошить меня, вытащить из той ледяной скорлупы, в которую я сама себя загнала.

— Телефон, говорю, трезвонит у тебя, — он улыбается уже во все свои тридцать два идеально ровных зуба.

— Да?.. А, точно! Спасибо.

— Пожалуйста! — да он издевается надо мной.

На дисплее высветился номер Люськи.

— Алло!

— Линка, это что вообще было? И куда ты свалила, я всё оббегала.

Услышав взволнованный голос подруги, я почему-то сразу успокоилась. К тому же я посмотрела на парня, что сей-

час с безразличием перелистывал сообщения в телеграме, и решила, что маньяки так не выглядят! Выдыхаю. И правда, чего я так напугалась? В груди наконец-то распускается крошечный клубок напряжения, и я делаю глубокий вдох — первый за последние полчаса, который не отдаётся болью в рёбрах.

— Я уехала, всё нормально...

— Куда? С кем?

— Мм, — вновь поворачиваю голову в сторону парня, имя которого я так и не спросила. Он косится в мою сторону, возпросительно приподнимает бровь, — Люд, со мной всё хорошо, — отворачиваю голову и больше на парня не смотрю, — Зорин сильно лютовал? Он ещё там?

— Шутишь? Да он тут чуть не разгромил всё! Кричал, что ты... — Люська запнулась, но мне и не требуется её пояснение, я слишком хорошо знаю Женю, — его быстро на место поставили, — поспешила подруга успокоить меня, — тут дядьки серьёзные! Зорин для них пыль под ногтями. Он обратно во Всеволожск укатил.

— Ты уверенна?

— Уверенна! Ты лучше скажи, что за цирк ты устроила? Я думала, ты любишь Женьку и будешь счастлива выйти за него?

— Мы ещё неделю назад расстались!

— Зорин сказал, вы просто поссорились, — от злости вновь сжимаю кулаки и до скрипа стискиваю зубы. У Жени

всегда вот так вот было. Если он сказал, что это ерунда, и я не должна злиться, то значит, так и должно быть, а я это всё не просто терпела на протяжении двух лет, — я считала это нормой.

— Мы не просто поссорились — мы расстались!

— Да брось! Вы такая красивая пара. Помиритесь ещё, — я прямо вижу выражение лица подруги, и то, как она махнула рукой.

— Слушай, бабуся! — я терпеть не могу, когда она начинает говорить со мною подобным образом. — Мы расстались! Я ни видеть, ни слышать о нём ничего не хочу. Тема Жени навсегда закрыта для меня! Ты меня поняла?

— П-поняла!.. — по голосу подруги становится ясно, что она сейчас шокирована моей гневной тирадой. Понимаю, что слишком сильно вспылила, а ещё я от злости забыла, что в машине нахожусь не одна, и тональность в голосе не снижала. — То есть подробностей я не узнаю?

— Считай, что не сошлись характерами!

— Ладно! Ты только это...

— Что?

— Успокойся и поезжай ко мне домой. Не волнуйся, Зорин не знает, где я живу. Да и не сунется он в город. Ближайшие несколько дней так точно.

— Хорошо.

Кладу трубку и поднимаю глаза на красавчика, что уже не такой весёлый, как пару минут назад.

— Извини, — бормочу я. Парень подаёт мне запечатанную бутылку с водой.

— Успокойся. Тебя всю трясёт! — а я ведь и вправду снова вышла из себя. Гребаный Зорин. Чтоб его псы подрали!

— Спасибо, — принимаю воду, но открутить крышку с первого раза не получается. Пальцы скользят, дрожат, и от этого становится ещё обиднее — я ненавижу чувствовать себя слабой, беспомощной. Это всё из-за бывшего конечно, всё-таки выбил меня из колеи.

Замираю, когда широкая горячая ладонь ложится на мою руку, что сжимает прохладную бутылку воды. Парень абсолютно без малейшего напряжения открывает её. От этого простого, почти бытового жеста по коже вдруг побежали мурашки.

Злость понемногу спадает, всё уже позади. По крайней мере, на сегодня. Остальные проблемы буду решать по мере их поступления.

— Как зовут? — снова слышу будоражащий красивый голос.

— Кого? А! Лина. Или Лана, как тебе удобнее.

— А полное имя — Мелена или Милана?

— Нет! Почему именно Мелена или Милана?

— Ты назвала два разных сокращённых имени! Хочу знать твоё полное имя.

— Русалина! Но меня чаще Лина называют, а кто путается — Ланой.

— Тебе как будет комфортнее? — пожимаю плечами. Парень сейчас довольно серьёзный, да и вообще он достаточно уверенный в себе. Причём в этой уверенности нет ни капли высокомерия, которой за последние два года я вдоволь насмотрелась.

— Лина, наверное. Так привычнее.

— Договорились, Ли-на! — проговаривает по слогам моё имя. В его произношении имя звучит как-то по-новому, будто обретает другой оттенок — тёплый, мягкий, смешно сказать, почти ласковый.

— А тебя как зовут?

— Рамиль! — и уже чуть сощурив глаза, смотрит на меня и добавляет, — никаких сокращений. Не Реми, не Милли. Просто Рамиль!

Я улыбнулась в ответ на его красивую улыбку.

— Хорошо, Рамиль.

— Ты успокоилась? Больше не боишься? — вновь пожимаю плечами.

— Вроде бы да, успокоилась! И не боюсь, — снова улыбнувшись, качнула головой. И на этот раз это была почти настоящая улыбка — не натянутая, не вымученная, а та, что появляется, когда понимаешь, что худшее уже позади.

— Поехали тогда!

Кажется, машина у парня ещё и без глушителя. Гудит просто жуть. Мы въехали в город и, как Рамиль и говорил, встали в нескончаемую пробку.

— Расскажи немного о себе. Задолбала эта тишина.

— Что рассказать?

— Не знаю, — пожимает плечами. — Расскажи для начала, как оказалась в танцевальной труппе? Я много кого оттуда знаю, тебя раньше там точно не было.

— Я только поступаю в их школу. В балетную студию.

— Школу?! Балетную студию?! Вообще-то у них вуз, и заметь, очень хороший, — парень поднимает палец вверх. — И туда, да будет вам известно, девушка, ещё нужно попасть!

Меня умиляет то, как он возмущается. Я вновь засмотрелась на него.

Густые чёрные ресницы и тёмно-синие, с невероятно красивым оттенком глаза. Прямой нос и небольшая ямочка на подбородке. Сначала я подумала, что ему примерно около двадцати трёх лет, но сейчас понимаю, что он явно постарше.

— Да я не спорю! И прекрасно понимаю, что это вуз. Просто я с детства посещала балетную школу и так привыкла говорить. Да и многие ребята, между прочим.

— Ну ладно. Убедила!

— Эй, ты издеваешься! — возмущаюсь не без улыбки и замахиваюсь на Рамиля сумкой, — Люська постоянно говорит, что это хореографическая школа, значит, её все так называют.

— Люська — это кто, подруга? — парень улыбнулся в ответ, но уже буквально через пару мгновений на лице от улыбки и намёка не осталось.

— Да! Мы с ней из одного города. С детства дружим. Она на базе современного танца уже два года учится.

— А ты на классику?

— Ага!

— Экзамены уже сданы?

— Последний остался! Решающий.

— Я видел тебя на сцене. Шансов нет!

— Что? — от услышанного перехватило дыхание.

— Шансов, говорю, у них нет... тебе отказать. Ты превосходно танцуешь!

— Тьфу! Ну ты вообще, что ли?! — снова машу рюкзаком в его сторону.

Рамиль начинает смеяться, заражая смехом меня. И этот смех, низкий, раскатистый, каким то чудом смывает остатки напряжения.

— Вот блин! — я смотрю на свой наряд, в котором выступала.

— Что такое?

— Мне нужно переодеться.

— Переодевайся!

— Ага, прям здесь?

— Если ты не заметила, машина наглухо тонирована.

— Если ты не заметил, то кроме меня ещё есть ты!

— Перелазь на заднее сиденье, обещаю не подглядывать.

Сомневаюсь несколько секунд, и всё же делаю, как он говорит. Отстёгиваю ремень безопасности и ловко перескаки-

ваю назад. Рамиль даже развернул зеркало заднего вида. Надо же, воспитанный какой!

Несмотря на то, что я довольно-таки миниатюрная, натягивать узкие джинсы на заднем сиденье автомобиля — не такая уж простая задача. Но, немного покряхтивая, я всё же справилась.

Перебравшись вновь вперёд, на пассажирское сиденье, начинаю вынимать шпильки из своего тугого пучка. Волосы рассыпаются по плечам, даря настоящее блаженство в виде колких мурашек облегчения.

— О, кайф... — прикрыв глаза, запускаю пальцы в волосы, массирую кожу головы.

— Адрес говори! — Рамиль смотрит на дисплей телефона, на который только что пришло сообщение.

— Что-то случилось?

— Нет, нормально всё, — хотя по выражению лица парня я понимаю, что написанное в смс ему не понравилось, — на работу нужно!

— А, понятно! О, а высади меня у метро, я доберусь сама, я уже ездила так.

— Нет! Уже стемнело. Говори адрес!

— Лазурная, девятнадцать. Далеко, опоздаешь!

— Ничего страшного. У меня начальник добрый.

— Это хорошо, когда начальство доброе.

Рамиль по городу двигается, как рыба в воде. Проехав по всем дворам, мы меньше чем за час добрались до Люськи-

ного дома.

— Ты говорил, твоя помощь не бесплатная. У меня на карте есть пятнадцать тысяч.

О том, что это деньги у меня на то, чтобы докупить себе кое-что из одежды, я, конечно, не говорю.

— Я за тебя рад очень, но деньги меня не интересуют.

— Ого! В нашем мире есть люди, которых не интересуют деньги?

— Хорошо. Твои деньги меня не интересуют! — Рамиль кладёт обе руки на руль и наваливается на него. В этом движении нет ни напряжения, ни спешки — просто спокойная уверенность человека, который знает, что делает.

— Тогда что?

— Ну не знаю... — выпрямляет спину, начинает барабанивать пальцами по рулю. — Дай подумать.

Он снова заставляет меня улыбаться.

— Хм, а пригласи меня на свидание! — я замираю, честно говоря, не ожидала такого поворота.

— Э-э... — тяну, немного растерявшись, но быстро беру себя в руки. — Ну хорошо... Цветы? Конфеты? — всё же заражаюсь его оптимизмом.

— Нет-нет! От сладкого портится фигура, а на цветы у меня аллергия, — говорит это всё парень серьёзным тоном, но в глазах всё же видна усмешка.

Я рассмеялась в голос и вытащила из рюкзака телефон.

— Хорошо. Мне затрат меньше. Говори номер!

Пока моя горе-подруга добиралась до своего дома, я уже успела навести порядок на её кухне, приготовить лёгкий салат и дажн принять ванну. О Жене почти не думала. Зато Рамиль никак не выходил у меня из головы. Я словно на иголках прыгала из угла в угол и не могла найти для себя места.

— Не спишь? — Люда приехала уже ближе к часу ночи. Как всегда, бодрая и весёлая.

— Нет! Чего так долго? — я лежала на разложенном, застеленном для сна диване и перелистывала новости в интернете.

— Пробки! — Люда смотрит на меня с явным любопытством. Знаю, что подруга до зуда в попе хочет знать, что произошло. Но она также знает, что если я не желаю говорить на ту или иную тему, ей слова из меня не вытащить. — Ладно, фиг с тобой! — стягивает с себя кофту и бросает в меня, — может, как-нибудь и расскажешь.

Люда достала из небольшого настенного шкафчика бутылку вина и, поигрывая бровями, покрутила её чуть ли не перед самым моим носом.

— Да давай, давай, алкогольчика! Всё равно не усну.

— Да, да-да, — протараторила подруга, — я быстренько в душ!

— Давай.

Уже через двадцать минут мы лопали мой салат и пили вино.

— Ну что, так и будем в телик пялиться, или всё-таки рас-

скажешь, кто тебя до города подвёз.

— Не до города, а до самого подъезда.

— Ух, ничё себе!

— Я испугалась, когда Женя пошёл за мной. И попросила помощи у парня, что стоял чуть в стороне, — Люда с набитым ртом уставилась на меня выпученными глазами. — Что?

— В смысле, что?.. Значит, своего парня ты, видите ли, испугалась! А сесть к незнакомому мужику — нет?

— Не мужику, а парню. Ему лет двадцать пять максимум. Такой высокий, спортивный, — произношу с восхищением, при этом строю моську, — на целую голову выше Женьки, представляешь? Ну чего ты так вытаращилась на меня? — становлюсь уже более серьёзной, ведь Люда, судя по выражению лица, и вправду беспокоится за меня, — хорошо! Если тебя это хоть немного успокоит, мне поначалу правда было страшно. И я почти сразу пожалела, что так бездумно обратилась за помощью к совершенно незнакомому человеку. Но мы с Рамилом разговорились, и я успок... — Эй ты, чего? — традиционно хлопаю по спине подругу, что только что подавилась листом салата.

— С кем? — вопрос задаёт сдавленным голосом.

— С Рамилом... — повторяю уже не так уверенно, ведь моя подруга, кажется, излишне разволновалась.

— Он что-то сделал тебе? — Люська начала быстро стягивать с меня одеяло и рассматривать моё тело. — Бил? Принуждал к чему-нибудь? Бил?

— Люда, ты совсем с катушек съехала? Бил, принуждал! Притормози немного. И прекрати говорить всякую ерунду, — убираю от себя руки подруги и снова набрасываю на своё тело плед, — он просто подвёз меня до дома, вот и всё. Вполне адекватный милый парень.

— Ну ладно! Что-то я и вправду... перенервничала, наверное. Не один же Рамиль у нас в Питере, в конце концов. Народу вон сколько было! Расскажи, что там за парень?

— Вот так-то лучше. А то раздёргалась, — бурчу себе под нос, стараясь скрыть, как сильно дрожат кончики пальцев — будто даже тихий упрёк подруги способен снова расшатать ту хрупкую уверенность, которую я с таким трудом собрала по крупицам. — В общем-то, нечего рассказывать. Обычный парень. Потёртые джинсы, белая футболка, подержанный автомобиль. Работает! У него ночные смены, как я поняла. Короче, он больше обо мне спрашивал, про себя ничего не рассказывал!

— Работает, да ещё и смены ночные?! Нет, не тот Рамиль получается. Кто такой, интересно... — я в ответ пожимаю плечами.

— Парень как парень. Симпатичный! — вновь кокетливо добавляю, поигрывая плечами.

— Быстро же ты переобулась, подруга, — моментально мне становится очень неловко. Щеки вспыхивают, и я невольно опускаю взгляд, будто стыжусь не столько слов, сколько того, с какой скоростью из груди выветрился преж-

ний «долг» быть несчастной рядом с Женей.

— Почему переобулась?

— Просто такое ощущение, что с Зориным ничего серьёзного у вас и не было! — говорит немного со строгостью в голосе.

— А что было, Люд? — вздёрнув подбородок, смотрю на неё. В глазах щиплет, в носу свербит. Как же я от этого всего устала!

— В смысле?

— Пока тебя не было, я сама задумалась над тем, а что у нас с Женькой-то было? Кафе раз в неделю? Мы даже не гуляли вдвоём толком. У него свои друзья, у меня свои. А если и шли гулять вместе, то так, короткими перебежками, из пункта А в пункт Б. И то на машине чаще всего. У него вечно не было времени на меня. Я так, чисто перед друзьями похвастаться. Этакая фарфоровая статуэтка. Да ты вспомни, как он на своём дне рождения со мной обращался! Я, между прочим, уже тогда хотела с ним порвать.

— Да брось, он просто перебрал!

— Это не оправдание, Люда!

— Ну да, согласна, конечно, — снова вздыхает подруга. — Он как с безмолвной куклой с тобой тогда обращался. А это его: «Станцуй для моих братьев»! Словно ты его рабыня.

— Вот именно! А девок параллельно со мною у него сколько было? Я ведь обо всех его похождениях знала.

— В этом ты сама виновата, Руска.

— Знаю! Поэтому я и закрывала на них глаза. Ты уехала и не видела наших с ним отношений во всей красе. К тому же, он ещё и очень изменился за последнее время. Нервы, психи, и... — я осеклась. — Так, всё, зараза хитрожопая! — раскусила я замысел подруги, что решила вытащить из меня информацию. Ей бы дознавателем быть, а не танцами заниматься. — Больше слова из меня не вытянешь. Сказала — тема Жени закрыта, значит всё! — я складываю посуду, намереваясь унести её на кухню. — Давай спать! Мне завтра танец как следует отрепетировать нужно. И пусть это звучит как побег — но сейчас мне правда нужно спрятаться в привычной рутине, где есть только шаги, позиции и музыка, а не чужие ожидания и чужие обиды.

Вот и наступил день икс. А точнее, день сдачи хореографии. Мандраж во всём теле никак не хотел проходить. И чего я только ни делала: музыкой пыталась отвлечься и даже медитировала. Но каждый раз, закрывая глаза, я видела не плавные линии движений, а застывшие лица людей, которые будут меня судить, — и от этого руки становились ватными, а колени предательски подрагивали.

— Крумова Русалина! — сердце делает кульбит.

— Да, я здесь, — подбегаю к девушке, а точнее, молодой женщине, что только что вышла из кабинета, в котором сидит приёмная комиссия.

— Я рада, — равнодушный тон в ответ, — готова?

— Н-нет! Но, наверное, надо уже, да? — говорю немного растерянно.

— Проходи, — с ироничной улыбкой она всё же ободряюще приобнимает меня за плечи и мягко толкает в приоткрытую дверь.

Пройдя в середину зала где меня уже ждёт приёмная комиссия, сразу становлюсь в пятую позицию и только теперь поднимаю взгляд на сидящих за длинным столом людей.

Улыбающегося мне седовласого мужчину я замечаю сразу! Ответная улыбка расцветает на моём лице сама собою. Дрожь в моём теле мигом отступает и становится невероятно тепло и спокойно.

— Добрый день, Русалина! — здоровается председатель жюри, тот, кого я боюсь больше всего. Грачёв Дмитрий Сергеевич, заслуженный танцор.

— Здравствуйте!

— Я вижу, вы меня узнали, Линочка, — вступает со мной в беседу мой знакомый.

— Разумеется, Лев Константинович! Очень рада вас видеть.

— Но наверняка уже задались вопросом, что искусствовед делает в этом кабинете.

Неоднозначно пожимаю плечами! Честно, и да, и в то же время — кто их знает этих академиков?

— Лев Константинович, давайте посмотрим, что нам приготовила наша кандидатка, а потом уже побеседуем.

— Хорошо, Дмитрий Сергеевич! — поднимая обе руки ладонями вверх, соглашается мой знакомый.

Лев Константинович Бородин приезжал к нам в город год назад, на выставку нашего местного художника, Игоря Николаевича Тура, он когда-то обучался в ВШИ и хорошо знаком с Бородиным. Он, то есть Игорь Николаевич, и познакомил нас со Львом Константиновичем. Он показал ему мои работы, и тот был очень удивлён, и даже не сразу поверил, что их действительно написала я.

Волнение вновь наступает, но всё же не такое сильное, как было.

Прошу включить композицию Валерия Гергиева и Петра Чайковского. Самая моя любимая музыка. Я в ней буквально растворяюсь!

Прикрыв глаза, вновь парю, меня словно невиданной силой, лёгким ветерком носит по сцене. А именно на ней я себя вижу, и рядом то и дело возникает знакомый образ. Того, кто не даёт мне покоя уже третий день. Рамиль! Его ровные, кажется, абсолютно безупречные черты лица, его такая милая, добрая улыбка... Музыка меняет своё звучание, а вместе с ней меняется образ парня, что совершенно точно вскружил мне голову. Я почти не ощущаю своего тела, просто знаю, что оно движется сейчас в такт звучащего аккомпанемента.

Рамиль! Я вновь вижу его. Это он и не он одновременно! Его улыбка больше не милая и добрая, она хищная и циничная. Я начинаю его бояться и пытаюсь от него убежать. Он

ничего не делает мне, просто смотрит и давит своим взглядом, — взглядом настоящего стервятника. В какой-то момент, я, словно задыхаясь, пытаюсь схватиться руками за воздух, но музыка затихает, а вместе с тем затихаю я, оседая на пол.

Открываю глаза!

Все пятеро членов комиссии сидели совершенно неподвижно и смотрели на меня с каменными лицами, у двоих из них и вовсе был приоткрыт рот.

Прошло несколько бесконечно долгих секунд, прежде чем я услышала хлопок, — один, два, три — педагоги стали аплодировать. Эмоции моментально дают сбой, слёзы самопроизвольно скатываются с глаз. Я не пытаюсь их вытирать: пусть видят, как много это для меня значит, пусть знают, что в каждом движении была не только техника, но и вся моя душа — без остатка.

— Честно, Русалина, не ожидал! — заговорил Грачёв. — Нет, Лев Константинович предупредил, разумеется, нас о том, что вы невероятно талантливая девушка, но стоит признаться, что такого чистого, невероятно лёгкого исполнения я не видел уже довольно давно. Мне даже придаться не к чему. Ваша осанка, чёткость движений, изгиб кистей рук действительно достойны оаций. Говорю без ложной скромности, выступление — на зависть уже действующим примам нашего балета.

— А эмоции на её лице, Дмитрий Сергеевич? — с вос-

хищением в голосе присоединилась Луиза Захаровна. Она, скорее всего, будет моим куратором, — Русалина просто пережила эту музыку, я в полнейшем восторге.

— Да, изумительное выступление. Тут однозначно есть, за что бороться! Уверен, Лев Константинович, рисует эта милая девушка столь же прекрасно.

— Даже не сомневайтесь в этом. Я бы не пришёл к вам, будь это не так!

Я всё также сидела на полу с перекрещёнными ногами, хотела встать, как и положено перед комиссией, но сам Грачёв жестом руки показал, что я могу остаться в этой позиции, если мне удобно. Я внимательно слушала диалог, в который меня пока что не приглашали, стараясь не пропустить ни единого слова. Внутри всё звенело, как туго натянутая струна: я боялась поверить, что это не сон, и одновременно боялась, что сейчас кто-нибудь скажет: «Шутим, конечно», — и весь этот восторг рассыплется в пыль.

— Знаете, для чего я здесь, Русалина? — обратился ко мне преподаватель из ВШИ, которого здесь не должно было быть. Ведь он искусствовед.

— Хотите вновь попытаться уговорить меня поступать в вашу школу? — не совсем уверенным голосом спросила.

— В какой-то степени да! Но, конечно, понимаю, раз вы тут, а не в моей мастерской, то решение вы совершенно точно уже приняли.

— Да!

— Да, — на выдохе, — а что, если мы вам предложим совмещать учёбу в двух высших учебных заведениях?

— Это же невозможно, я прекрасно это понимаю. Ну, очно так точно!

— Вы правы. Но для вас мы готовы сделать исключение.

— Что? Как это?

— Вы очно обучаться будете здесь, и основная загруженность, само собой, будет именно в хореографии. В нашей же школе вы будете на заочном, но на бюджетном обучении. Конечно, это очень сильно ограничит вас в личной жизни, но такой бриллиант, как вы, мы просто не имеем права потерять.

Я словно онемела от услышанного. Не могу поверить, и мне хочется ущипнуть себя.

— Честно, я не представляю, как я смогу всё это потянуть и буду ли я успевать во время сессий? Но однозначно, от таких предложений не отказываются! Я согласна!

Совершенно глупо и безрассудно, я знаю, но рисовать я люблю не меньше, чем танцевать. Поэтому будь что будет! Это всего четыре года учёбы, а в балете и того меньше! Потом отдышусь.

В голове кавардак! Эмоции бушуют во мне, и слишком много мыслей. Даже не знаю, за какую ухватиться! И не знаю, что мне сделать в первую очередь?

Решила, что нужно для начала просто успокоиться.

К дому подруги я добираюсь достаточно быстро, окрылён-

ная последними событиями, пританцовывая, вхожу в нашу с ней комнату и, застав её спящей после ночной смены, с разбегу запрыгиваю на неё поверх одеяла.

— Хватит дрыхнуть, соня!

— Люда я, а не Соня! — бурчит подруга, сбрасывая меня с себя, — и отвянь. Я спать хочу!

— Люсь, я в общежитие заселяюсь, — реакция последовала даже быстрее, чем я ожидала.

Люся резко подскочила и, усевшись на постели, уставилась на меня вполне себе бодрым взглядом.

— В смысле? — буркнула недовольным тоном.

— Люсь, не заводишь! Выслушай сначала.

— Русалка, чё за хрень? Ну уже договорились же, — дует обиженно губы.

— Люсь! Мне комнату в общежитии дают.

— С какого это? У них же мест не было! — о том, сдала ли я экзамен, Люда у меня даже не спросила. Она была уверена на все сто процентов, что я поступлю.

— Освободилось одно, — не стала пояснять подруге, что этот вопрос был решён одним лишь звонком Грачёва.

— И что? Могла бы отказаться.

— Не могла. Люсь, я буду ещё и на художественном учиться. На заочке, конечно, в общем, поэтому мне в общежитии будет проще.

— Не поняла? Как это, в двух вузах?

Я рассказала во всех подробностях, что и как было. Люсь-

ка, ещё какое-то время на меня подулась, но она всё и сама прекрасно понимает.

Мы вместе пообедали, а точнее, пополдничали, и я уже домывала посуду.

— Ладно. Но по твоей вине я испытала стресс!

— Та-ак, — тяну я, понимая, что Люся что-то задумала.
— Говори.

— Ничего криминального! — поднимает подруга руки вверх. — У меня есть два пригласительных в «Сласть».

— Хорошо, давай сходим, — сопротивляться и не пытаюсь, наоборот, нужно развеяться.

— В смысле? — подруга резко подаётся вперёд, — И что, никаких... «Люся, это тебе не наш городок, где ты всех знаешь». Или «Люся, это небезопасно, это всё-таки огромный мегаполис, и хождения по ночным клубам ни к чему хорошему не приведут»?

— Нет! У меня прекрасное настроение, и я хочу танцевать! И в этот момент я впервые за долгое время чувствую, что имею право хотеть именно этого — танцевать, смеяться, быть просто счастливой, не оглядываясь на чужие желания.

— Ура-а! — с воплями она набрасывается на меня и душит в своих объятьях!

О том, что я поступила и всё хорошо, маме я сообщила смской. Только вот о том, что поступила не в один вуз, я расскажу завтра родителям, а сегодня мне нужно морально

себя разгрузить.

— Ты что, ещё не собралась? — немного с недовольством в голосе спрашивает подруга.

— Да почти уже! — я сидела на широком подоконнике и гипнотизировала телефон. Я всё никак не могла решиться позвонить Рамилю. Хотя, может, он и не ждёт моего звонка вовсе, и про свидание забыл. Пальцы скользили по экрану, будто сами пытались найти нужные слова, которых в голове не было, — только бешеное сердцебиение и страх услышать равнодушное «А, это ты» или «Какая ещё Русалина, не помню».

— Я до аптеки спущусь, одевайся, скоро уже такси подъедет!

Это знак! В конце концов, даже если он уже забыл про свидание, так я хотя бы буду знать об этом, и перестану всё время о нём думать. Наверное!

Делаю глубокий вдох, нажимаю кнопку вызова. Один гудок, два, три.

— Да, алло, я слушаю! — все мои внутренности сжимаются от хриплого властного голоса мужчины. Я непроизвольно вздрогнула.

— Эмм, простите! — начинаю мямлить я, ведь по ту сторону со мной говорит явно не Рамиль. — Я, наверное, ошиблась номером. Извините! — говорю совсем тихо и уже хочу положить трубку, как слышу.

— Лина, подождите! — замираю и перестаю дышать, —

Рамиль сейчас занят, но он ждал вашего звонка.

— А... — теряюсь, не знаю, что сказать, — откуда вы знаете, что звоню именно я? У Рамиля не было моего номера, — не знаю почему, продолжаю говорить с незнакомым мужчиной, внутри меня страх ледяными потоками несётся по венам, но положить трубку я почему-то не могу.

— Рамиль рассказывал мне о вас, милая девушка. Говорил, что вы позвоните, — голос мужчины хоть и звучал не грубо, но у меня от него всё равно всё холодело внутри. Хотелось сжаться в комочек и спрятаться куда-нибудь в самый дальний уголок, — сейчас Рамиль выполняет мою просьбу... — мужчина хотел ещё что-то сказать, но я была слишком взвинчена, поэтому перебила его.

— Вы начальник Рамиля? — вообще не очень-то прилично задавать подобные вопросы, я понимаю это. Но в то же время я слишком взволнована, чтобы соображать быстрее, чем произношу слова.

— Можно и так сказать! — голос стал твёрже, мне на мгновенье показалось, что в нём проскользнули гневные нотки. — У нас сегодня открытие клуба, если хотите, можете приехать сюда. Рамиль, конечно, не сможет уделить вам слишком много времени, но увидеться вы точно сможете.

От волнения у меня затрепетало в груди. Я смогу его увидеть! Хочу ли я этого? Да, да, да и ещё раз — ДА!

— Мм... Я не совсем уверена — удобно ли это?

— Удобно! — я снова вздрогнула от властного голоса

мужчины. — Я пришлю за тобой машину.

— Это лишнее, — я в миг словно отрезвела. — Я всё же лучше позвоню Рамилю позже, а приезжать не буду. Извините! — и сбросила звонок.

Голос мужчины словно давил на меня. Его тон стал требовательным, и мне вновь показалось, что я обязана подчиниться этому человеку. Хотя я его в глаза не видела. Это всё очень странно! А я тоже хороша! Сижу и разговариваю с совершенно незнакомым мне человеком. И только положив телефон на подоконник, я наконец-то осознаю, как сильно трясутся руки — не от восторга само собой, а от того, что мир снова стал слишком большим, слишком чужим, и в нём вдруг оказалось слишком много людей, чьи голоса могли заставить меня сомневаться в собственных решениях. Одним словом я жутко растерялась, и скорее морально не выдержала разговора с этим мужчиной.

3 Глава.

Настроение катится под плинтус, и мне совершенно уже не хочется никуда идти. С глухим стуком зашвыриваю джинсы обратно в сумку, будто пытаюсь вместе с ними отшвырнуть и это тягостное чувство, что с каждой минутой всё сильнее сжимает грудь.

— Эй, что случилось?

— Ничего, Люсь. Прости, но у меня нет настроения куда-то идти. Позвони своей этой, как её, Сусловой! Ты же с ней тусишь обычно.

— Крумова! Ты чё, озверела?! Какая нахрен Суслова?

— Люсь, не заводись, я... — мелодия зазвонившего телефона заставляет меня отвлечься.

Мне совсем не хочется брать трубку. Хотя на экране высвечивается «Рамиль». Я просто подумала, а что, если он был рядом со своим начальником во время нашего с ним разговора, и они просто посмеялись надо мной. Пальцы замирают над экраном, словно боятся подтвердить худшее, а в горле встаёт горький комок обиды — такой, что даже дышать становится тяжело.

— Ответь! Наверное, что-то срочное, раз в третий раз перезванивает, — Люся с надутым видом садится в небольшое кресло, что стоит в углу комнаты, и, скрестив руки на груди, со злостью и обидой смотрит в мою сторону.

Чуть подрагивающими пальцами я всё же касаюсь правой части экрана...

— Не очень-то красиво сбрасывать звонки, Русалина! — я даже не успела ничего сказать. Рамиль сразу же пристыдил меня и очень даже строгим голосом.

— Прости, — мне действительно становится стыдно. В конце концов, Рамиль мог даже не знать о том, что его босс брал трубку.

Ага! Тут же мысленно одёргиваю себя. А как он тогда узнал, что я вообще звонила. Конечно, ему передали.

— Машина за тобой приедет через пятнадцать минут! Извиняться будешь при встрече, — от его бархатного баритона внизу живота сворачивается клубок и сладко потягивает. Такой реакции на мужчину у меня не было ни разу в жизни.

Вот я дурында, конечно! Мне бы расслышать всё, что он мне сказал, но нет же: я слышу его такой чуть хрипловатый голос и теряю рассудок. Мир вокруг будто на секунду замирает, и все тревоги, все сомнения растворяются в этом голосе — и я киваю, хотя он меня и не видит, словно он может почувствовать моё согласие.

— Хорошо! Только я не одна приеду, — смотрю на подругу, что оттопырила уши и всю улавливает каждое моё слово.

— Машина будет через пятнадцать минут!

— Хорошо!

Люда смотрит на меня, явно ждёт каких-то пояснений.

— Мы едем на открытие нового клуба! Какого? Я не спросила. Машина приедет через, — смотрю на электронные часы, что стоят на комодe, — короче у нас на сборы десять минут!

— Сегодня открытие клуба «Байрам», и простым смертным, таким как мы с тобою, там не место!

— Я не знаю, какой клуб! — время идёт, а я всё так же сижу на диване и не двигаюсь с места. Сердце колотится где-то у самого горла, и ладони предательски потеют. А ещё снова появляется внутренний мандраж.

— Ладно! Поехали. Мало ли клубов у нас в городе. Вот только...

— Что?

— Там наверняка дресс-код! В джинсах тебя не пустят. Улыбаюсь. А я и не собиралась в джинсах.

Мне хочется быть красивой, ведь я вновь увижусь с парнем, который занимал все мои мысли на протяжении трёх дней. Не зачем себе врать! Мне для Рамиля хочется выглядеть особенно красивой.

Я подхожу к шкафу и достаю своё бордовое платье. Я так рада, что взяла его с собою, хотя мама и пыталась меня отговорить. Мол, ни к чему оно тебе с собою сейчас. Его мне сшили на заказ!

Мне вообще много вещей делают индивидуально. У меня очень тонкая талия, и я всего метр шестьдесят три, хотя ноги и кажутся длинными. Вещи в основном мы подбираем в дет-

ских отделах, меня это ужасно злит, но ничего не поделаешь. А когда нужно что-то посерьёзнее, то мне шьют на заказ.

В этом платье я ещё никуда не выходила.

— Ого! Вот это заявочка, — Люська смотрит на меня, хитро улыбаясь, — оно, конечно, шикарно, но больше подходит для деловой вечеринки, нежели для ночного клуба, слишком скромное.

— Другого платья у меня всё равно нет! И не такое оно и скромное. Вон, вырез на спине почти полностью лопатки открывает! — Люда демонстративно закатывает глаза.

Я не обижаюсь, наоборот, просто улыбаюсь ей. Платье действительно в меру скромное, открытые руки и длиной немного ниже колен.

— Ты что делаешь, Руса? — вполне серьёзным тоном спрашивает подруга.

— В смысле? — непонимающе смотрю на неё.

— Какие к чёрту балетки? Линка, ты в клуб идёшь или в оперный театр? — открыв нижний ящик шкафчика, что стоит в прихожей, Люда достаёт оттуда совершенно потрясающие туфли на высоком каблуке с открытым носом. Они светло-коричневого цвета, просто идеально подходят к платью.

— Обалдеть! Откуда?

— Не поверишь. От жадности купила!

— В смысле? Как это от жадности?

— Как, как. Распродажа была в ЦУМе. Я десять тысяч

за них выложила, и это они ещё семьдесят пять процентов скидки были. Так как последняя пара. Хватанула, домой прилетела, а они чуть-ли не на два размера мне малы оказались.

— А чего не вернула тогда? — спрашиваю, надевая красоту на свои стройные ножки. Туфли как влитые сидят на моей ноге. Я чуть покачиваюсь на непривычно высоких каблуках, но тут же ловлю равновесие. В этот момент не пугаюсь, а наоборот чувствую себя чуть увереннее.

— Жаба задавила! Они мне душу греют.

— Ну, душа это тоже важно, — произношу со вздохом, разглядывая свои ножки. — Не жалко мне давать?

— Нет! Тебе не жалко! — с улыбкой говорит мне подруга, за что получает поцелуй в щёку.

Последний раз смотрюсь на себя в зеркало, что висит во всю стену на входе, и как только рядом со мною становится Люда, мы одновременно прыскаем со смеху.

Всё бы ничего, если бы моё платье было ну хотя бы чуточку покороче. А в данный момент из зеркала на нас смотрела аристократка с длинными светлыми распущенными волосами, что красивыми волнами рассыпались по спине и груди. В бордовом платье и на высоких каблуках, что на мне смотрятся просто шикарно. И рядом — не совсем бюджетная, но и не слишком дорогая путана, в красном, облегающем платье длиной до середины бедра.

— Пойду чёрное платье надену, оно хотя бы до колен, —

прекратив смеяться, сказала подруга. — Я быстро.

Когда мы с Людой спустились, машина нас уже ждала...

Нас привезли к огромному светлому зданию, что располагалось на окраине города. Мерцающая вывеска «Байрам» была видна уже за два квартала.

— Русалина.

— Что? — подруга словно чем-то была взволнована.

— Обещай, что будешь осторожна.

— Люд, ты чего? — машина уже затормозила у парадного входа, но мы не спешили выходить из неё, — это же я тебе обычно это говорю.

— Знаю! — не понимаю, что с моей подругой, но кажется, всё же два года, что мы учились в разных городах, отдалили нас друг от друга.

Раньше мы делились всем и довольно откровенно, сейчас же рассказываем только самую суть, и не вдаёмся ни в какие подробности. И у каждой из нас на это свои причины.

По крайней мере, у меня они точно есть!

Мы, не сговариваясь, открываем дверцы машины и выходим на воздух. Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы Рамиль меня встретил. Ему ведь наверняка уже сообщили о том, что мы приехали.

Я осматриваюсь по сторонам, много открытого пространства, закрытая парковка, где исключительно дорогие автомобили премиум-класса. Люди, что входят сейчас в клуб, словно сошли с обложек глянца, я начинаю чувствовать себя не в

своей тарелке и даже в какой-то момент хочу уйти! Прохладный, вечерний ветер пробирается под тонкую ткань платья, и я невольно ёжусь.

— Охренеть! Вот это я понимаю!

«Ай, точно! — одёргиваю себя. — Куда собралась? Я же тут не одна».

— Ну-ка, иди сюда, — Люда с силой за локоть дёргает меня в сторону входа и направляет камеру телефона на нас.

Конечно, я порчу кадр, строя жуткую гримасу. Я делаю так всегда, когда не хочу фотографироваться. Люда совершенно точно выставит эти фото в сеть, а мне сейчас злить Зорина совершенно не хочется. Мало ли, что ему в голову взбредёт!

— Руса, ты опять кадр испортила, — бурчит подруга.

— Не хочу фотографироваться!

— Зануда, — Люся удаляет фото.

— Ага.

— Привет! — от звука хрипловатого голоса мурашки вмиг проносятся по всему телу.

Я оборачиваюсь, и на моём лице самопроизвольно расцветает улыбка.

— Привет! — Люся почему-то дёргает меня за руку, но я уже на неё не реагирую. Я просто под гипнозом тёмно синих глаз, что с каждым мгновением становятся ещё темнее.

— Прекрасно выглядишь!

— Ты тоже! Э-эм, в смысле, спасибо! — парень улыбнулся

одним уголком губ.

Рамиль и вправду выглядел просто потрясающе. Тёмно-синяя, явно далеко не из дешёвых, рубашка, и классические, идеально выглаженные чёрные брюки. Туфли также были очень дорогие, наверное, у Рамиля хорошая зарплата, раз он может себе позволить подобные вещи.

— Идёмте внутрь! Сейчас начнётся церемония открытия.

Рамиль приобнимает меня за талию и увлекает за собой. Я же, спохватившись, тянусь к Люське, хватаю её за руку и тащу вслед за нами. Мне становится неловко перед подругой.

Не схвати я её за руку, она бы осталась на улице! Ведь Рамиль в её сторону даже не посмотрел.

Нас пропускают без лишних вопросов. Рамиль, также ничего не говоря, через весь зал, где полно народу, ведёт нас на второй этаж.

— Лина, — парень открывает перед нами одну из стеклянных дверей, — жди меня здесь. Можешь, если будет интересно, подойти к перилам посмотреть церемонию, но отсюда ни ногой, поняла меня?

Я кивнула, после чего парень взял меня за руку и, поднеся мою ладонь к губам, поцеловал, только не тыльную сторону ладони, а именно саму ладошку. Это показалось мне несколько странным, но в то же время невероятно будоражающим. Глядя в его глаза, я почувствовала, что ноги предательски подкосились, и, как только Рамиль скрылся за дверью, я буквально рухнула на мягкий диванчик, стоящий по-

зади меня. Щеки вспыхнули, а сердце застучало так громко, что, казалось, его слышали все вокруг. Я опустила взгляд, чтобы скрыть эту внезапную, почти детскую растерянность, которая накрыла меня с головой.

Я осталась наедине с подругой, но пока что в её сторону не смотрела. Пыталась привести растерянные мысли в порядок. Прошло, наверное, с минуты три, когда я наконец обернулась, и мне не очень понравилось то, как Люся на меня смотрела.

— Русалка, ты знаешь, кто это?

— Это Рамиль! — понимаю, что подруга не просто так заводит этот разговор. — Рассказывай, пока мы одни, и давай без всяких намёков и вообще полутонов.

— Это Курт! По крайней мере, его чаще называют именно так.

— И что? Курт, скорее всего, фамилия. Одно время ты тоже довольно часто звала меня по фамилии, да и сейчас бывает.

— Он не так давно приехал из-за границы, Турции, кажется. Говорят, отсидел там немалый срок, за что точно, я не знаю. Но говорят, что Камран Зурфалов, хозяин этого клуба, вытащил его из тюрьмы и помог переехать сюда, дал ему работу и жильё. Они вдвоём всего за несколько месяцев подмяли под себя почти весь город, им большие люди перечить боятся.

— Люда!

— Что?

— Зачем ты мне сейчас это всё рассказала?

— Чтобы ты была в курсе, с кем имеешь дело.

— Люда, это смешно, «я слышала, мне говорили!», — я беру стакан воды, что стоит на столе, и залпом осушаю его, — давай, может, я сама как-нибудь решу, общаться мне с Рамилем или нет! — Люда смотрела на меня нечитаемым взглядом. — Если бы ты лично была знакома с его *тёмными* сторонами, я бы, безусловно, прислушалась к тебе, но прости, что-то, кто-то и где-то — меня это вообще не волнует! Но если это успокоит тебя, я приняла к сведению и...

Нас отвлекает короткий стук в дверь.

На пороге стоит милая официантка и протягивает нам винную карту.

— Все напитки за счёт заведения!

О, вот это уж точно, нет! Девушка протягивает нам винные карты, и мы с подругой синхронно открываем их. Цены — просто космос! Мы заказываем по безалкогольному коктейлю и просим сразу принести счёт.

У нас с Люсей есть правила, и это, кстати, она мне их навязала. Первое и главное: мы никогда не пьём в клубах спиртные напитки, тем более если мы не в своей компании. Мы можем себе позволить выпить, только если мы со своими друзьями и на своей территории. И второе: мы никогда не гуляем за чужой счёт! Так мы развязываем себе руки.

Я даже когда с Женей встречалась, почти всегда платила

за себя самостоятельно. В редких случаях я позволяла оплатить счёт Зорину, и то если сумма была незначительная.

Заиграла очень красивая торжественная музыка, и мы, переглянувшись, встали со своих мест, подошли к прозрачным перилам.

— Вау! — я с восторгом смотрю вниз. Рамиль провёл нас слишком быстро, мы не успели совсем ничего разглядеть. Первое, что бросается в глаза, конечно же, танцпол. Он очень большой, и ощущение, что он парит в воздухе, просто зеркальная подсветка даёт такую иллюзию. На первом этаже все столики с мягкими диванами располагаются в отдельных зонах, и это здорово. Ведь в клубах, которые посещала я, постоянно были стычки с другими посетителями из-за того, что кто-то кого-то всё время задевал.

На втором этаже только закрытые ВИП-комнаты. Их тут не меньше двенадцати, и ощущение, что персонала тут больше, чем на первом этаже.

ВИП-кабинка, в которой нас оставил Рамиль, была небольшой, но очень уютной. Достаточно светлой и с очень удобными диванчиками. А больше всего мне нравится тут стол. Он невысокий и очень большой. Тут запросто поместится до десяти человек. И никто никому не мешает.

Музыка затихает, и я вижу, как на пустующий танцпол, вокруг которого собралось очень и очень много народу, почти на самую середину выходит высокий, плотный мужчина с густой щетиной. На нём чёрная водолазка и серый пиджак,

тёмные брюки и довольно-таки дорогие туфли.

На обувь меня приучила обращать внимание мама. Она говорит, что по её состоянию можно понять характер мужчины.

Зурфалов начинает говорить речь, улыбается людям в первых рядах, он многих явно знает. Говорит о том, что это уже его третий клуб в этом городе и двенадцатый в нашей стране. Делаю вывод, что он также приехал из-за границы. Ещё об этом говорит его достаточно выраженный восточный акцент.

Я чувствую на себе чей-то взгляд. Поворачиваю голову чуть вправо и встречаюсь глазами с Рамилем. Снова улыбаюсь, вот что за дурацкая привычка — при виде его сразу млеть и расплываться в улыбке?! Только вот самому Рамилю, кажется, совсем не до улыбок. Или он на рабочем месте такой серьёзный?!

Речь Камрана заканчивается, и я почему-то снова перевожу взгляд с Рамиля на него. Внутри меня всё холодеет, когда я встречаюсь с этим мужчиной взглядом.

Боже, что это за человек?!

Его взгляд тяжёлый, и он прожигает насквозь. Мне становится не по себе. Я хочу отвернуться, но его взгляд не позволяет этого сделать. Меня уже начинает потряхивать. Ощущение, что он видит или даже чувствует моё состояние. Камран подносит указательный палец к своим губам и показывает мне едва уловимым жестом: «Успокойся».

«Ты моя!» — довольно отчётливо читаю по его губам. Только после этого он отводит от меня взгляд.

4 Глава.

Дрожь проходит по моему телу, пронизывая каждую клетку ледяными иголами. Делаю шаг назад, будто пытаюсь отодвинуться не просто на полметра, а вырваться из этого давящего пространства.

— Русалка, ты чего?

— Всё нормально... Люд, пойдём обратно, — подруга ещё раз смотрит вниз. Её брови чуть приподнимаются, в глазах мелькает растерянность — она явно не понимает, что со мной творится, и это только сильнее подстёгивает моё желание сбежать.

— Да ладно! — Люда, вцепившись в перила, во все глаза вновь уставилась на сцену. Пальцы её побелели от напряжения, а взгляд горит неподдельным восторгом.

— Ну что там? — подходить не хочу, боюсь. Вот только Люда явно не от хозяина клуба в таком восторге. Любопытство всё же берёт верх.

— Там Стас Крылов! Ну, помнишь? — Люся запрыгала на месте, чуть не подбив меня локтем, её глаза сияют так, будто она увидела не просто бывшего однокурсника, а некое божество спустившееся прямо на сцену.

Ну а вообще, моя подруга влюблена в Стаса уже как два года. Он раньше учился в нашем вузе и теперь, по всей видимости, работает тут. Я его видела только по фотографиям,

которые мне показывала Люда. Симпатичный голубоглазый блондин, по мне так ничего особенного, но Люда одно время буквально болела им, сейчас вроде как полегче стало. Хотя, глядя на подругу в данный момент, возможно, она просто стала меньше о нём говорить, а чувства так и бурлят в ней.

Люда бывает излишне эмоциональной, и я знаю, что ей порой сложно даже саму себя остановить. Наверное, это одна из главных причин, почему она выбрала именно хип-хоп танцы. Танцуя, она выплёскивает излишки энергии и лучше себя контролирует.

— Русалка, идём вниз, а? — подруга перекрикивает музыку, капризно дёргая меня за руку. Её пальцы впиваются в мою кожу с такой силой, что я почти чувствую, как через этот контакт передаётся её нетерпение, её жажда движения и жизни — всё то, чего я сейчас лишена из-за своего липкого, сковывающего страха.

Отрицательно мотаю головой.

— Нет! Я обещала Рамилю, что буду тут, — хотя дело во-все не в этом, я просто боюсь встретить внизу Камрана. Этот мужчина вселяет в меня страх. При одной мысли о его тяжёлом, пронизывающем взгляде у меня внутри всё сжимается, и ладони становятся влажными и холодными.

— Блин, Руса, ну пожалуйста, ты же знаешь, что... — Люда замолкает и смотрит куда-то мне за спину.

Оборачиваюсь и смотрю на Рамиля, что подходит ко мне и сразу же по-собственнически вновь обнимает меня за та-

лию. Я не сопротивляюсь, потому что вижу, что он пришёл не один. Рядом с ним стоит хозяин клуба и смотрит на меня. Съеживаюсь. Не выдерживаю давящей энергетики Камрана. Трусливо прячу лицо на груди Рамиля. Буквально следом за ними подходят ещё несколько человек. Неосознанно жмусь к Рамилю ещё теснее. Знаю, так делать не должна, это неправильно, ведь мы едва знакомы, но мне настолько сейчас неуютно, что он — моя единственная отдушина на данный момент.

— Линка! — прямо в ухо кричит мне подруга, — ты не обидишься, если я побуду какое-то время внизу.

Мне не очень хочется, чтобы Люда меня сейчас бросала, но и её я тоже в какой-то степени понимаю. Она пришла сюда явно не меня охранять, а повеселиться. Смотрю на двух девушек, что также подошли к нам под руку с довольно солидными дядями. Поняв, что наедине с мужчинами я не останусь, соглашаюсь!

— Только, пожалуйста, не теряйся, Люд.

— Я ненадолго. Обещаю!

Киваю подруге и вновь поворачиваюсь к парню.

— Идём! — не просто говорит, а приказывает Рамиль. В его голосе звучит та стальная нотка, которую я раньше не замечала, и от неё по спине пробегает не столько приятная дрожь, сколько тревожный холодок.

Рамиль почему-то мне сейчас не кажется таким уж милым и добрым, как это было в первый день нашего знакомства.

Я сейчас имею в виду вторую часть вечера, когда мы уже разговорились с ним в машине и я перестала его бояться.

Мы проходим немного дальше, совершенно в другую комнату. Она намного больше и гораздо шикарнее той, в которой находились мы с подругой. Мне становится ещё более неловко. Стол накрыт на восемь персон. Нас семь — потому что Люська сбежала! И эта пустующая восьмая тарелка словно специально подчёркивает моё одиночество, делая его почти осязаемым.

Сейчас я уже жалею о том, что отпустила её. Мне дико некомфортно, а всё из-за того, что я чувствую напряжение, исходящее от Рамиля и Камрана. Оно висит в воздухе, как электрический заряд перед грозой, и каждый вдох даётся мне тяжелее, будто в нём слишком много этого напряжения.

Зурфалов ожидаемо садится во главе стола. Рамиль — по правую руку от него, увлекая меня за собой. Остальные же гости садятся только после того, как хозяин клуба кивком головы приглашает их присесть.

Это очень странно! И мне становится ещё более неловко. Я опускаю глаза, чтобы не встречаться ни с кем взглядом, и начинаю теревить край салфетки, пытаюсь хоть как-то занять руки и унять внутреннюю дрожь.

Появившиеся официанты разносят горячее, наполняют бокалы, после чего бесшумно уходят.

— Ну что, друзья мои?! — Камран поднимает бокал с янтарной жидкостью. Все остальные следуют его примеру. —

Русалина, что же вы? Разве не выпьете с нами? — я так напряжена, что даже не сразу поняла, что хозяин клуба сейчас обращается ко мне.

— Простите, я не пью спиртного! — Слова застревают в гортани, и я произношу их почти шёпотом, чувствую себя маленькой и беззащитной под этим внимательным, изучающим взглядом.

— Это похвально, — Камран тянется к графину с каким-то напитком и наполняет пустой бокал, что стоит рядом со мною.

Рефлекторно поворачиваю голову в сторону Рамиля, он молчаливым жестом позволяет мне принять ухаживание от своего начальника. И только после этого я, поблагодарив мужчину, что рассматривает меня с нескрываемым интересом, беру в руки наполненный для меня бокал. Пальцы едва заметно подрагивают, когда я обхватываю ножку бокала, и я изо всех сил стараюсь удержать его ровно, чтобы никто не заметил, как сильно я нервничаю.

Я не смогла объяснить даже самой себе, почему я спросила разрешение у Рамиля? Возможно, потому, что он отличается от тех мужчин, которых я знала. У него тоже довольно мощная энергетика, и я ощущаю её буквально физически. Сильнее его разве только энергия, исходящая от его босса.

За столом после всех стандартных поздравлений пошли разговоры о бизнесе среди мужчин. Две девушки, что также находились в данной компании, как-то объединились между

собой и тихонько шушукались. Я же сидела рядом с Рамилем и высматривала среди толпы танцующих посетителей клуба свою горе-подругу.

— Рамиль? — в какой-то момент я всё-таки осмелилась тихонько отвлечь парня.

За закрытыми дверями музыку практически не было слышно. Поэтому мне не пришлось кричать. Парень тут же обернулся ко мне.

— Я спущусь ненадолго? Люду нужно найти.

— Вон вытанцовывает твоя подруга! — проследив за взглядом парня, не с первого раза, но всё же я разглядела свою подругу, что танцевала рядом с высоким белобрысым парнем.

Из ВИП-комнаты было прекрасно видно всё, что происходило внизу благодаря стеклянным вставкам в стенах, которые при желании можно было затемнять, в общем-то, как сейчас в большинстве дорогих клубов.

— Я пойду к ней ненадолго, ты не возражаешь?

— Возражаю! — сказал вполне серьёзно, но тут же улыбнулся. — Мне бы хотелось, чтобы ты сейчас была при мне! Но я же вижу, как тебе скучно, поэтому иди, потанцуй, я закончу разговор, и к тебе подойду.

Люду найти среди толпы оказалось очень сложно. Сверху было куда проще её увидеть.

— Русалка! — счастливо кричит подруга, набрасываясь на меня с объятиями. Я практически её не слышу, музыка

слишком громкая. Но я всё равно чувствую её радость, она передаётся мне через эти крепкие объятия, и на мгновение моё волнение отступает, растворяясь в её энергии.

Люда тут же тянется к уху блондина и ему что-то говорит, после этого он смотрит в упор на меня и согласно кивает моей подруге. Люська хватается меня за руку и через всю толпу тянет за собой.

— Русалка, он сказал, что очень рад меня видеть, представляешь?

Мы прошли в дамскую комнату.

— Я, конечно, рада. Только ты сказала, что ненадолго, а сама пропала больше чем на час.

— Ты же с Куртом. Я думала, наоборот, буду только мешать.

— Люсь, ты очень изменилась,

— Брось, Русалка! Ну, ты что, обиделась?

— Да нет, я не обиделась, просто... Не знаю. Ладно, забыли, всё хорошо.

Как бы я ни старалась отгонять от себя мысли, всё равно думала о том, что Люда ещё год назад ни при каком предложении не оставила бы меня наедине с малознакомым парнем. А учитывая то, что она сама довольно много про него наслышана, для меня её поступок становится ещё более непонятным. Эта мысль царапает изнутри, оставляя неприятное чувство, будто между нами появилась невидимая трещина, которую пока ещё можно не замечать, но она уже есть.

На самом деле сложно объяснить то, что действительно сейчас между нами происходит. Не буду заводить сейчас разговор на тему, которая лично мне не до конца ещё понятна. Да и, возможно, ни к чему это.

— Пойдём, хотя бы немного потанцуем! — виснет на мне подруга.

Я не танцевала уже давно, имею в виду хип-хоп. К тому же включили очень зажигательную музыку восьмидесятых годов. Чему я очень удивилась. Под эту песню «Ice MC» мы танцевали на день города. Это было наше с Людой последнее выступление вдвоём. Переглянувшись, не сговариваясь, мы быстро рванули в центр танцпола и уже не обращая ни на кого внимания, начали свои ритмичные синхронные движения. Мы настолько увлеклись танцем, что совершенно не обратили внимания на то, что танцуем уже практически одни.

Танец получился довольно зажигательным, очень много резких движений, и нам с Люсей просто-напросто уступили место. Народ расступился и дал нам возможность дотанцевать до конца...

— Аплодисменты очаровательным девушкам за великолепнейший зажигательный танец! — громкий голос диджея заставляет прийти в себя, я немного смущаюсь и отхожу в сторону, а вот Люська, наоборот, улыбается и делает реверанс в три стороны. Моё лицо заливает жаркий румянец, я прячу глаза и нервно поправляю волосы, в то время как Люда купается в этом внимании, словно родилась для сцены.

Хотя чего это я? Я ведь тоже не единожды купалась в бурных аплодисментах, разве что публика моя немного иная, да и звучат эти самые овации по другому.

Дальше мы уже не выделялись, что называется, просто танцевали под энергичную музыку и так же не обращали ни на кого внимания. Естественно, к нам сразу же после танца начали подходить молодые люди с целью знакомства, но к Люде очень быстро вернулся Стас, а мне пришлось отбиться самой.

Был один особенно навязчивый парень. В момент, когда его наглые руки без позволения легли на мою талию, по моему телу пробежала волна отвращения, смешанная с испугом. Я тут же смахнула его липкие лапы со своего тела, сказала громкое и чёткое “нет” но он похотливо улыбаясь упорно стал продолжать. Счастье что его достаточно быстро увела охрана, и я больше его не видела.

— Я смотрю, ты не только балет умеешь танцевать! — раздался хриловатый голос прямо над моим ухом.

Я с улыбкой поворачиваюсь к Рамилю, что смотрит на меня каким-то не совсем понятным мне взглядом. В нём смешались восхищение, раздражение и что-то ещё, тёмное и непонятное, отчего у меня внутри всё замирает, и даже улыбка становится будто натянутой.

— Лана, попрощайся с подругой!

— Что? — я смотрю на парня, его лицо остаётся абсолютно непроницаемым.

— Поедем, прокатимся с тобою. А подружку отвезут домой, не волнуйся.

Словно сговорившись, ко мне подбегает Люська, вся светясь от счастья.

— Стас предложил мне покататься с ним по городу.

— Вот и поезжай! — я даже рта не успела раскрыть, как Рамиль всё уже решил за меня и чуть ли не силой увёл меня с танцзала. Меня охватило странное чувство дезориентации, будто мир вокруг резко поменял правила игры...

— Рамиль! Ты не слишком много на себя берёшь? — мы уже вышли на улицу, и Курт утягивал меня в сторону парковки. Буквально вырвав свою руку из захвата парня, я остановилась и пристально посмотрела на него.

Мне это всё уже совсем не нравилось: поведение подруги, Рамиль какой-то весь дёрганный. Я весь вечер себя чувствовала неловко, причём практически непрерывно, а сейчас и вовсе не знаю куда себя деть!

— В каком смысле? — я смотрю и действительно не могу сообразить: он что, правда не понимает? Или под дурачка косит?

— Ты решил всё за меня. Я не хотела оставлять подругу.

— Хочешь ехать с ними?

— Да не в этом дело, Рамиль! Просто мы приехали сюда вместе, и я считаю...

— Во-первых, Лина, ты слишком много говоришь. Во-вторых, твоя подружка, если ты не заметила, сама изъявила

желание уехать не с тобой!

Я стою и смотрю на парня и даже не знаю, как должна сейчас поступить. Внутри всё кипит от обиды и возмущения, но поверх этих эмоций ложится холодный слой растерянности: я не понимаю, как вести себя с этим новым, жёстким Рамилем.

— Рамиль! — обращаюсь к парню, который уже подошёл к своей машине.

Он обернулся в мою сторону и вопросительно приподнял бровь.

— Сегодня какой-то очень напряжённый день! Думаю, будет лучше, если я поеду домой на такси! — ухмылка парня при моих словах мне показалась совсем непонятной. — Я сказала что-то смешное?

— А тебе кажется, что я смеюсь? — я делаю шаг назад, мне совершенно точно сейчас не нравится взгляд парня. В нём есть что-то хищное, оценивающее, и этот взгляд заставляет меня инстинктивно отступать, увеличивая дистанцию между нами.

— Лина? — Курт делает глубокий вдох. Он старается взять себя в руки и успокоиться. — Садись в машину! Ты права, мы просто перенервничали, — на секунду парень поворачивает голову влево, кажется выдыхает и вновь повернувшись в мою сторону, глядя прямо в глаза говорит ещё более спокойно. — Я последние три дня как грёбанный кролик из рекламы батареек. Сегодня так вообще... — парень явно

хотел выругаться, но не стал. — Я очень устал и возможно это сказывается. Дай мне просто возможность выдохнуть.

Переминаясь с ноги на ногу, какое-то время раздумываю, стоит ли вообще продолжать наше общение? Конечно же я хочу верить, что это просто усталость. Хочу верить, что завтра Рамиль снова станет тем самым парнем, с которым было так легко разговаривать в машине. Но где-то глубоко внутри всё же шевелится червячок сомнения, который шепчет, что дело не в усталости.

— Ну хорошо! — иду к машине и сажусь на переднее пассажирское сиденье.

У Рамиля сегодня действительно очень сложный день! Будет, наверное, глупо не учитывать этого, — в мыслях твёрдо произношу, словно убедить себя пытаюсь. Сознание вопит “дура” но я уже осознанно его затыкаю.

— Ну что, прокатимся?

— Хорошо, только давай недолго. Тебе нужно отдохнуть! — мне показалось, что у Рамиля дёрнулся глаз...

Мы приехали на набережную. Тут невероятно красиво и на удивление тихо.

— Странно! Погода хорошая такая, а никого нет!

— Потому что территория закрыта! — мы вышли из машины. Рамиль открыл багажник и достал оттуда плотное покрывало.

— В каком смысле?

— В прямом. Мы же не на центральной набережной.

Здесь за отдельную плату какое-то время можно побыть наедине.

— Ничего себе, так у нас с тобой получается полноценное свидание.

Курт расстелил покрывало на мягкий газон. Усевшись сам, жестом предложил присесть и мне.

Я согнула ноги в коленях и постаралась максимально прикрыть их платьем, благо оно достаточно свободное, и я едва ли не укутала ноги полностью.

— Ты очень красивая! — Рамиль пристально смотрит на меня.

— Спасибо, — невольно в смущении прячу взгляд.

— За что? — ухмыляется.

— За комплимент!

— Это не комплимент, — совершенно ровным голосом.

— Это правда.

— Мм.

Рамиль достал сигарету и, прокрутив её в руках несколько раз, закурил.

— Я думала, ты спортсмен и не куришь!

— Я участвую в боях, — резко поворачиваю голову и смотрю на парня. — И курю я достаточно редко.

— Сейчас закурил, потому что был очень тяжёлый день?

— Нет! Сейчас закурил, чтобы не сожрать тебя.

По тому, как он посмотрел на мои ноги и грудь, я поняла совершенно точно, что именно он имеет в виду. Мне бы

сейчас испугаться и убежать, но я вместо этого чуть подбигаю ноги и пытаюсь скрыть волну возбуждения, что разлилась по моему телу и тягуче скрутилась внизу моего живота. Мне кажется, со мной такого ещё не было. Сердце колотится где-то в горле, а кожа горит от одного его взгляда — будто каждая клеточка моего тела вдруг проснулась и теперь отчаянно требует внимания, которого я сама боюсь желать.

Боже, откуда это? Ничего подобного раньше я не чувствовала.

— Что за бои? — решила отвлечься, сменив тему разговора. Голос звучит чуть хрипло, непривычно, и я внутренне морщусь от этого: будто он выдаёт моё смятение, делает его слышимым для него.

— Обычные бои. Девочкам неинтересно такое!

— Мне интересно всё, чем занимаешься ты! — тут же прикусываю себе язык. Вот что я за идиотка такая?! Разве можно так нескромно, да ещё и в открытую, проявлять интерес к парню?! Щеки вспыхивают жаром, и я опускаю глаза, надеясь, что в полумраке набережной он не заметит моего стыда, не увидит, как сильно я выдала себя этой нелепой, слишком искренней фразой.

— Блядь, я вообще ничего не понимаю! — Курт отбрасывает сигарету в сторону. Она летит дугой, на мгновение вспыхивает в темноте и гаснет, и этот резкий, почти злой жест заставляет меня вздрогнуть — будто вместе с сигаретой он отшвырнул и ту хрупкую нить спокойствия, что ещё

тянулась между нами.

— Чего ты не понимаешь?

— Сколько мужиков у тебя было? — я подавилась воздухом.

Вытаращив глаза, словно Белка из «Ледникового периода», смотрю на явно обнаглевшего парня. В груди всё обрывается, и на секунду мир сужается до одной точки — до его лица, до этого грубого, бесцеремонного вопроса, который бьёт по мне сильнее любой пощёчины.

— Это совершенно тебя не касается! — отвечаю резко и со злостью.

Поднявшись на ноги, хочу уйти, но Рамиль, схватив меня за запястья, резко тянет меня вниз. Я не в силах устоять на ногах, лечу обратно на покрывало. Жёсткого столкновения с землёй нет, потому что Рамиль просовывает вторую руку мне под спину, тем самым не даёт мне удариться. Курт наваливается на меня сверху и, бормоча что-то совершенно невнятное, начинает покрывать мою шею поцелуями.

— Рамиль! — из-за всех сил отталкиваю парня, но он словно скала, невозможно его сдвинуть ни на сантиметр. Мои ладони упираются в его грудь, пальцы напрягаются до побеления костяшек.

Мне становится очень страшно, но я не уверена, что это из-за настойчивости парня. Скорее это оттого, что мне невероятно приятны его прикосновения. Его руки, блуждающие по моему телу, заставляют меня дрожать. Это головой я по-

нимаю, что происходящее сейчас выходит за рамки, и мне нужно всё это немедленно прекратить. Только вот моё тело категорически против! Оно дрожит и очень хочет продолжения. И эта внутренняя борьба отзывается в каждой мышце, делает движения резкими, дыхание — прерывистым, а взгляд — расфокусированным, будто я пытаюсь одновременно видеть и не видеть то, что происходит.

— Рамиль, остановись. Хватит! — практически кричу я.

Но парень только больше распаляется. Он поднимает голову и смотрит на меня помутневшим взглядом. Я совершенно зря понадеялась, что он меня услышал. Нет!

— Да похрен! — произносит хриплым голосом и набрасывается на мои губы.

Поцелуй жёсткий, болезненный. Щетина парня очень сильно царапает мою кожу, я хочу увернуться от этого поцелуя, но пальцы Курта жёстко фиксируют мой подбородок. Острая, колющая боль от щетины смешивается с чем-то ещё — с тем странным, пугающим удовольствием, от которого внутри всё сжимается и одновременно раскрывается, и я на секунду теряюсь в этом противоречии, не понимая, что со мной происходит.

Мой лиф с треском опускается вниз, Рамиль подтягивает меня вверх таким образом, что моя грудь оказывается на уровне его лица. Рефлекторно делаю глубокий вдох, когда Курт обхватывает губами мой сосок, втягивает его в себя, болезненно прикусывает и тут же зализывает свой укус. Я

чётко слышу урчащие звуки, но не понимаю, что это? Рамиль задирает моё платье и просовывает свою руку между моими ногами.

— Какого чёрта ты в колготках, Лина? — спрашивает со злостью.

Акцент в его голосе усилился, мне стало по-настоящему страшно, словно сейчас со мною находился не Рамиль, а совершенно посторонний мужчина. Возможно, именно это и придало мне сил. Я как-то сумела сгруппироваться и изо всей силы ударила парня ногой в грудную клетку. Сработал больше эффект неожиданности, он совсем немного отстранился, но мне этого вполне хватило, чтобы увернуться и пуститься от него со всех ног. Кажется ещё в тот момент, когда моя пятка врезалась в грудь Рамиля, во мне вспыхнула не просто злость — это была чистая, животная воля к свободе, и она гнала меня вперёд, заставляя не чувствовать ни страха, ни боли.

Напуганная и растрёпанная, я бежала так быстро, что даже не ощущала боли в ступнях, ведь перед тем, как сесть на покрывало, я сняла с себя туфли, и сейчас была совершенно босая. Камушки и жёсткая трава царапали подошвы, но этот дискомфорт казался чем-то далёким, почти нереальным — как будто боль снаружи не могла сравниться с тем хаосом, что бушевал внутри.

Выбежав на проезжую часть, я буквально бросилась под колёса проезжающего автомобиля.

— Ты что, белены объелась? — слышу, как из старенького автомобиля ругается явно очень пожилой мужчина.

— Пожалуйста, помогите мне...

Дальше я помню всё какими-то обрывками:

Мужчина, ехавший, по всей видимости, с дачи, укрыл меня каким-то очень стареньким, но чистым одеялом. Достал термос с заднего сиденья, на котором было много ящиков с овощами, и напоил меня горячим травяным чаем. Только после этого я смогла произнести домашний адрес подруги. Тепло одеяла и терпкий запах чая медленно пробивались сквозь пелену ужаса, возвращая меня в реальность, и впервые за вечер я смогла сделать глубокий вдох — не судорожный, а тот, что наполняет легкие и немного успокаивает дрожащие нервы.

Помню, как мужчина настаивал на том, чтобы отвезти меня в больницу, но я отказалась. Помню, что он дважды останавливался и умывал меня холодной водой. У меня была настоящая истерика, и я никак не могла её остановить. Хотя и понимала, что я должна это сделать, чтобы не пугать пожилого мужчину. Ведь он то и дело хватался за сердце.

Дальше полный провал! То, как я оказалась в квартире подруги, я не помню. Я очнулась только на следующий день от того, что кто-то надрывно рыдал надо мною.

5 Глава

Яркий свет неприятно раздражает глаза, словно острые иголки впиваются в сетчатку, и, наверное, поэтому мне не сразу удаётся их открыть. Истошные всхлипы также очень нервируют — каждый хлюп с похрюкиванием, отдаётся в висках тупой, пульсирующей болью. Мне так сильно хочется тишины, а тут — сопливое мычание.

— Люська, блин! — пытаюсь прочистить горло, ведь голос очень сильно осип.

— Русалка! — поднимает голову и смотрит на меня своими краснящими глазами, в которых застыли грязные дорожки слёз, и ресницы слиплись в тёмные колючие комки.

— Что случилось? Ты чего ревёшь? — я приподнимаюсь на локтях, но, почувствовав слабость во всём теле, вновь опускаюсь на подушку.

— Руса, ты чего, совсем ничего не помнишь? — судя по тому, как сильно дрожит голос подруги, плакала она довольно-таки долго.

В голове всплывают картинки того, что вчера произошло между мной и Рамилем. Злость моментально поднимается во мне, но она странная — не чистая, довольно противоречивая.

— Дай телефон!

— Какой телефон, Линка? — снова завывла подруга, её

плечи вздрагивают, и она обхватывает себя руками, будто пытается удержать внутри рвущиеся наружу рыдания, — я под утро вернулась, а ты тут без сознания на пороге. Вся зарёванная, в порванных колготках. Это Курт, да? Он тебе что-то сделал?

— Ты была права, Люд. Он маньяк. Самый настоящий. Чуть не сожрал меня!

Голова немного болит, но есть хочется сильнее — голод вдруг накатывает резкой, почти злой волной, будто тело требует вернуть себе хоть какую-то норму, хоть что-то простое и понятное.

Встаю с постели и довольно-таки шаткой походкой иду на кухню,

— В каком смысле, чуть не сожрал? — Люда встала и засеменила вслед за мной, её шаги быстрые, суетливые, как у человека, который боится остановиться, потому что тогда придётся всё до конца осознать.

— Не волнуйся, мне удалось вырваться! Он ничего мне не сделал. По крайней мере, ни до чего серьёзного не дошло, — включаю чайник и достаю из холодильника запечённую рыбу, которую мы не успели вчера съесть. — Губы только очень болят после его настойчивости.

— Чего у тебя «болят»? Русалка, ты меня не разыгрываешь? — хмуря брови, смотрю на подругу, — Курт не целуется, он вообще не касается девушек.

— В смысле? Он девственник, что ли?

— Руська, ты головой долбанулась? Какой ещё девственник? У него от девчонок вообще отбоя нет. И это несмотря на то, что все прекрасно знают, что Рамиль предпочитает исключительно оральный секс. А после того, как получает своё, просто вышвыривает девчонок, как каких-то собак беспризорных! — подруга всё это говорила, кривясь от отвращения, а её лицо искажалось так, будто она физически ощущала всю эту грязь, и ей хотелось немедленно умыться, стереть с себя даже сам рассказ об этом.

— С тобой такое было? — спросила прежде, чем успела подумать, и тут же пожалела — слова повисли в воздухе, тяжёлые и неуместные, и я почувствовала, как внутри всё сжалось в ожидании ответа, которого одновременно и хотела, и боялась.

— Он тебя по голове бил? — взгляд подруги становится злым, в нём вспыхивает такая ярость, что мне становится не по себе — будто Люда готова прямо сейчас сорваться и бежать разбираться с Рамилем, и эта её готовность защищать меня одновременно греет и пугает, — вообще не понимаю, как ты после такого можешь так спокойно себя вести...

— Нет, Люсь... Прости, пожалуйста! — встаю из-за стола, подхожу к подруге и обнимаю её за плечи, чувствуя, как под тонкой тканью футболки дрожат её мышцы, как она изо всех сил старается не заплакать снова, — ты просто так уверенно говоришь! Как ты можешь знать наверняка?

— Русалина! Он вчера чуть не изнасиловал тебя, а ты его

защищаешь! Я совершенно не понимаю тебя.

— Я, наверное, перенервничала очень. И почему-то уверена, что он этого не хотел. Слова звучат нелепо даже для моих собственных ушей, и я сама чувствую, как они не склеиваются с тем, что было, но что-то внутри упрямо цепляется за эту мысль — может, он не хотел, может, это была просто потеря контроля, а не злоба...

— Точно, умом тронулась! — молчу. Что ответить — не знаю! Права подруга, наверное.

Как только Люда начинает говорить что-то негативное в адрес Рамиля, внутри меня поднимается противостояние. В эти моменты я едва ли не наброситься на подругу готова. С этим точно нужно что-то делать!

— Курт очень красивый, я не спору. Но ведь каждая влюблённая дурочка мечтает стать особенной для него, и каждая верит, что с ней он так не поступит! — Люся немного помолчала и продолжила, — но вот смотрю я сейчас на твои распухшие губы... — подруга махнула рукой, значит, тему продолжать не хочет. И я не буду продолжать! В этой её усталости от разговора есть что-то горькое: она уже всё сказала, уже выложила все свои страхи, а я всё ещё хожу вокруг да около, не готовая принять правду.

Смотрю на часы, что показывают уже начало третьего.

— Вот блин! Нужно собираться. Со мной не хочешь?

— О нет! Ты же ещё не сообщила своим все новости касемо учёбы?

— Ещё пока нет.

— Ну вот! Прости, подруга, — Люська поднимает руки вверх, — но свой домашний апокалипсис ты, пожалуйста, переживай сама. Я пас!

Рамиль.

В клуб я приехал только ближе к вечеру.

Такого у меня ещё не было. Да и вообще какого спрашивается?.. Вчера ещё долго сидел на набережной и пытался хотя бы немного разобраться в себе. Откуда взялась вообще эта Русалина? Все мозги мне свернула нахрен. Я её звонка ждал как пятнадцатилетний, жаждущий секса, — внутри буквально всё горело. Даже Камрану про неё рассказал. Вот только зря, наверное. Хотя...

Вот с хрена я так завёлся-то?! Я к утру всё же понял, почему она так меня цепанула. Она приезжая и не знает обо мне ничего, поэтому так бесстрашно прыгнула ко мне в тачку...

Блядь, опять не сходится!

Во-первых, подружка её просветила насчёт меня, я уверен! Да и когда я приехал сюда четыре месяца назад, то шлюхи разных возрастов также не боясь уезжали со мной, и никого из них мне ни разу не приходилось уламывать. Русалина с первой же минуты вела себя совершенно иначе. Она смотрела не так, как остальные, — не оценивающе, не заискивающе, а будто сквозь меня, будто видела что-то, чего я сам в себе не замечал, и это одновременно раздражало и притягивало.

Во-вторых, я позволяю тем девкам, что надеялись на сказку, только отсасывать у себя. Ну, если сучка более-менее мне не так противна, мог поставить её раком и исключительно с презервативом отодрать во все дыры, и никогда я не спрашивал, можно или нет. Для меня, если девка запрыгнула в тачку, она уже автоматически на всё согласна.

Лину же я вчера готов был действительно сожрать. До зубовного скрежета хотел её касаться. Смотрел и едва мог сдерживать дрожь в своём теле. Яйца от желания скручивало так, что в глазах темнело. А как она охуенно пахнет... Тонкий цветочный аромат, причём точно не духи, а её собственный запах. Такая она вся маленькая, миленькая, только слишком худенькая, от этого смотрится едва ли не дюймовочкой. И от этой её хрупкости во мне просыпалось что-то дикое. Первобытное желание одновременно обладать и оберегать, и это противоречие сводило с ума. Я стискивал зубы, чтобы не сделать чего-то непоправимого, но один хрен сорвался...

— Явился! Ты на время смотрел? Скоро уже открываемся! — пришёл «начальник» и, как всегда, не дал спокойно посидеть и поразмышлять.

Ну или помечтать! Лина даже и представить не может, сколько раз и в каких позах я мысленно её брал. Но ничего, совсем скоро не только узнает, но и всё прочувствует.

— Ноги со стола убери! — Камран грубо спихивает мои ноги на пол, движение резкое, раздражённое, и в нём чув-

ствуется, что он на взводе — будто весь клуб сегодня давит на него, а я своим бездельем только подливаю масла в огонь.

— Чего такой дёрганный? Случилось что-то?

— Ты что девчонке сделал? Яман сказал, сбежала от тебя без обуви. Её какой-то дед довёз до самого дома.

— Вот-вот! Какой-то дед. А должен был сам Яман подсу-
етиться.

— Он вёл их до самого подъезда.

— Да знаю. Он отчитался!

— Что произошло?

— Смотрю, моя конфетка тебя тоже зацепила!

— Я об этом ещё вчера тебе сказал. У тебя куча девок, отдай эту девчонку мне!

— А у тебя с каких пор проблемы с бабами? — смотрю ему прямо в глаза.

Камран заинтересовался Русалиной, как только я ему про неё рассказал. Но в тот момент это был просто интерес к девушке, которая сумела занять все мои мысли. Тогда ещё Зурфалов сказал, что, судя по тому, какие красотки всегда были в моём окружении, эта должна быть сравнима разве что с богиней. А как только вчера он её увидел, подошёл и прямо мне сказал, что хочет её себе.

— Таких у меня ещё не было! — совершенно спокойным тоном.

— У меня тоже. Прости, Камран, ты знаешь, я всё для тебя, но это моя игрушка, как наиграюсь...

— Поделись! — резко обрывает меня. — Я не утерплю и всё равно влезу. Давай лучше сразу поделим. Ты же знаешь, если я чего-то очень захотел...

— А ты очень захотел? — приподнимаю бровь, хотя и понимаю, что он точно не шутит.

— Мы с тобой уже пару раз делили барышень,

— Камран! — усмехаюсь. Дурацкая ситуация. — По пьяни, и просто шлюх.

— Одна из этих шлюх была не такой уж и шлюхой! Мы вместе её распечатывали.

— Ага, а потом лечение за границей ей оплачивали. Камран, Русалина мелкая, она нас физически не вывезет. Я-то для неё огромный, боялся вчера её раздавить, а ты почти на тридцатку больше меня вешишь! — Камран буквально прожигает меня взглядом, — да не было, не было у нас с ней ничего, — снова усмехаюсь, — пока, разумеется, не было!

— Рамиль, я из-за девчонки ругаться не хочу с тобой!

— Да не придётся, — после небольшой паузы произношу на выдохе, — не переживай! Внутри, однако, шевелится неприятное чувство — будто я уже не контролирую ситуацию, и эта девчонка каким-то образом начинает менять правила игры.

Русалина.

— Папа! — со всех ног бегу к родному человеку и тут же оказываюсь в его объятьях. Почти блаженно вдыхаю знакомый запах его одеколona и шерстяного свитера, что протиан

ароматом дома. И всё-таки я соскучилась жуть как.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.